

Артефакторша 2

Я и фея, я и маг

Антонина Циль
Дарья Гусина

Антонина Циль Дарья Гусина Артефакторша 2. Я и фея, я и маг

<https://litres.ru/74180907>

SelfPub; 2026

Аннотация

Покой нам только снится. Выяснилось, что во мне течет кровь фей, валькирий и орков. Токсичная родня прилагается, причем феи хуже всех.

Потихоньку растет доход от продажи артефактов, но на мне пока висят долги. Я по-прежнему нацелена отыскать похитителей детей, победить проклятие Мильхе и разрушить гейс, обманом наложенный на моего приятеля викинга. Однако не стоит забывать, что любая инициатива - наказуема.

В этой части:

учеба под руководством наставника

проблемы с деньгами, но мы справимся!

интриги и расследования

новые навыки и способности, развитие героини

прибавление в семье

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	19
Глава 3	32
Глава 4	43
Глава 5	57
Глава 6	75
Глава 7	93
Глава 8	107
Гла	120
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Дарья Гусина, Антонина Циль Артефакторша 2. Я и фея, я и маг

Глава 1

Я спала. Кажется, во сне я беседовала с огромным деревом.

– Нечеловеческие условия, – жаловалась я. – Работать не дают, постоянно какие-то долги и штрафы. Остались лишь сутки жизни. Вот за что, спрашивается, а?

Дерево сочувственно шумело листвой. При этом я прекрасно понимала по-деревесному.

Высшие силы учили меня жить методом цитирования народной мудрости: «Без труда не вытащишь рыбку из пруда», «Глаза страшатся, а руки делают» и «Скучен день до вечера, коли делать нечего». С последним я бы поспорила. Вот бы хоть один день побездельничать.

К концу сна Дерево стало странным – плоским и ненастоящим. В какой-то момент я поняла, что вижу его в узоре ковра на стене. Лежу и таращусь на старинный ковёр в своей

квартире в Селезневском доме.

Я закрыла глаза, чтобы сон поскорее закончился. Вот-вот оживёт улица Девятихвостых лис: загремит своей медной посудой господин Кох и зеленщик примется расхваливать овощи. Но вместо этого я слышала, как оживает Селезнёвский дом. Пищит домофон: жильцы уходят на работу, их дети – в школу. Тихо. Шагов почти не слышно. Кажется, идёт снег.

– Зачем ты так со мной? – спросила я у ковра.

Древо на нём ничего не ответило. А ведь оно всегда было там. Сотканное из шерстяных ниток, но вполне узнаваемое, если приглядеться: ствол, крона, ветви, листья. Просто я никогда не приглядывалась.

Ковер в начале восьмидесятых подарили Диме студенты из дружественной Сирии. Мы иногда шутили, что нам повезло: мы точно знали, где у ковра верх, а где низ. В то время вешать ковры на стену было уже не модно, но бросить такую красоту под ноги казалось кощунством. Гости удивлялись оригинальности узора: дерево с пышной кроной окружали изображения лупоглазых то ли демонов, то ли божков.

Наверное, все-таки демонов или бесов. У существ определено имелись рожки. Кто бы ни создал это произведение искусства, ему удалось передать целое послание: странник, познавший связь с Древом, готовься к каверзам.

Я лежала на кровати, понимая, что вернулась в старое тело. Старое – в прямом и переносном смысле. Может, мне всё

приснилось? Молька, лавка, артефакты и Толстая Вель. Ведь вот оно, моё тело – скрипучее и вялое, особенно по утрам. Побаливает левая нога – она всегда болит в непогоду. И в плечах скованность.

Я приподнялась и села на кровати. Сон. Мне всё приснилось. Помню шумную ночь со скандалом в квартире сверху, мое недовольство... Вот мои спицы на журнальном столике. В своём картонном вольерчике потягивается Дуся, недовольно пищат её котятки.

Нет, не может быть. Всё было слишком реальным! Я встала, немного резко, пошатнулась и чуть не упала. Тело привыкло к объёмам Вельты. Старое тело ощущалось как неудобный костюм. Внезапно что-то скользнуло по ноге и с дребезжанием упало на пол. Монета?

Я подняла с пола золотистый кругляш. Монета из сна! На ней мужик, похожий на первобытного человека, в профиль. Но когда я в последний раз видела эту монету, она была грязной. Сейчас же она блестела в лучах утреннего света именно тем специфическим блеском, который отличает настоящее золото.

– Не сон, – возбуждённо пробормотала я. – Это был не сон. Дуся, я действительно побывала в том мире! Но как же так? Почему я вернулась?

Дуся подошла к столику и осторожно понюхала монету у меня в пальцах. Потом зашипела и попятилась. Она тоже почувствовала чужеродность единственного предмета, кото-

рый попал со мной в мой родной мир. Или... не мой?

Эгрегор говорил об альтернативной линии. Линии чего? Моей жизни? Тогда бы все сошлось. Я умерла, но Высшие силы создали аутентичную копию моего мира. Только ради того, чтобы я завершила свои дела в родном измерении.

Об этом, несомненно, стоило подумать. Но только за чашкой кофе.

Я переоделась, чувствуя себя очень странно, почти невестомо. Я промахивалась пальцами мимо пуговиц на домашнем платье и несколько раз поскользнулась на старинном паркете, потому что разучилась ходить худыми ногами.

Но как обычно после чашечки кофе мысли приобрели больше чёткости.

Сколько я ни пыталась призвать ментальный терминал, перед глазами ничего не появлялось. Но я потихоньку начала осознавать, что мои недостающие 7 баллов находятся именно здесь, в этом мире. Закрывать гештальт. Наверное, даже два гештальта. Или может быть, три.

Не знаю, как именно меня сюда отправили. Назовём это Порталом. Так вот, если Портал пропустил меня и кусочек золота, то выпустит ли он Дусю с котятами?

Немного пугал тот факт, что грязная монета превратилась в блестящую. О себе я даже думать не осмеливалась. Не хотелось бы, чтобы меня тоже отполировали до золотого блеска, я ведь только жизнь наладила. Оставалось только надеяться, что у Высших сил имеются на меня какие-то планы

и их, эти планы, нужно осуществить именно в образе артефакторши Вельты Брандт.

В квартире всё сохранилось точно таким, как было в момент моего перехода. Дуся, похоже, даже не заметила, что я куда-то отлучалась. Правда, время от времени она странно на меня поглядывала. Но кошки есть кошки, существа потусторонние или даже инопланетные, – недаром они так любят появляться в сказках и мистических историях.

Я ходила по комнатам и собирала сумку: драгоценности и дорогие мне мелочи, вроде писем Димы или старинная коробочка с мини-шахматами. С сожалением покосилась на полку, где стояла швейная машина. Такое точно «таможня» не пропустит.

– Дуся, мы переезжаем. Тебе там понравится. Нужно только предупредить Зою Марковну. Но если не получится, ничего не бойся. Тебя и твоих котят обязательно пристроят в хорошие руки. Не скучай. Теперь я точно знаю, что после смерти жизнь только начинается.

Собирая вещи, я постоянно прислушивалась к звукам из квартиры наверху. Там было подозрительно тихо. Впрочем, после вчерашнего безобразия хозяева, скорее всего, отсыпались.

Внезапно раздался писк ноутбука. Я подскочила на месте. В мире Вельты прошло всего несколько дней, но я успела отвыкнуть от навязчивых сигналов, в том числе и из телефона, на который как обычно с утра посыпались предложения из

банков, оповещения о скидках и прочая дребедень.

Ноутбук разряжался и просил, чтобы его подкормили. Втыкая штекер в разъём, я невольно усмехнулась. Как же здесь всё просто: подключился к источнику энергии – и в ус не дуешь. А ведь люди в этом мире просто привыкли к комфорту и перестали замечать, как удобно в нём всё устроено. Да уж, рассуждаю как резидент другого мира.

Но мне жизненно необходимо вернуться к Мольке. Я обещала, что не уйду. Что не предам. Но вынуждена признать: сейчас от меня мало что зависит.

Раскрыв ноутбук, я увидела на экране не привычную заставку с мультяшным корги, а послание от эгрегора. Логично, подумала я. В мире Вельты Древо Знаний использовало аналог виртуальной реальности. Но здесь придумывать ничего не нужно.

Альтернативная линия жизни создана успешно. У вас есть шанс завершить задачу: стабилизировать союз души и тела акцептора и экстрактора.

– Это я уже поняла, – вздохнула я, снова посмотрев на потолок.

Незакрытый гештальт налицо. Лишь бы меня впустили. И не только в квартиру этажом выше, а обратно – в тело Вельты Брандт.

Выполните все условия задания в течение 24 часов. Дары и навыки акцептора недоступны до возвращения в Мир Структурной магии.

– Но я вернусь? Так ведь?

Вам доступен выбор: прожить остаток жизни в Мире Скрытой магии или вернуться в Мир Структурной магии. Примите решение в течение 24 часов.

То есть у меня есть выбор. Здесь я не умру. Тут мне сливать нечего: разум и тело едины. Продолжу жить в теле Валентины Измайловой. Очень щедрый подарок.

Теперь я знаю, как звучат эти два мира на языке эгрегора. Мир, где магия скрыта, и мир, где магия структурирована. Магия мне понравилась. Но гораздо важнее – вернуться к Мольке, которой я дала обещание.

В дверь позвонили. Пришла Зоя Марковна. Я обняла её от избытка чувств, а она посмотрела на меня с удивлением.

– Валечка, бедная, ты как-то бледна. Ты хоть поспала этой ночью?

– У меня всё замечательно, – заверила я соседку. – А у тебя глаза красные.

– Так я-то всю ночь не спала, – пожаловалась подруга. – Вчера позвонил Игорёша. Такие новости... нехорошие. Я так и знала, что всё этим закончится. Сердце матери подсказывало.

– Давай-ка выпьем чаю и поговорим, – предложила я.

– Давай, – со вздохом согласилась соседка. – Я и печенье принесла, с курагой, как ты любишь.

– Ох, Зоенька! – обрадовалась я. – Я так соскучилась по твоему печенью!

– Так я позавчера пекла и тебе приносила, – удивилась Зоя.

– Так то ж позавчера, – выкрутилась я. – В нашем возрасте два дня – целая вечность.

– Не могу не согласиться, – вздохнула соседка. – Особенно сейчас.

Пока заваривался чай, она выложила печенье на блюдо, а я сходила за чистыми салфетками. Квартира почему-то казалась чужой. Многие мелочи – где что лежит – просто выскакивали из головы.

Автоматически запустила стирку штор. Постояла немного у стиральной машины, бессмысленно пялясь на клочки пены в барабане. Вспомнила, что не подсыпала Дусе корма (моя кошка всегда считала, что если в миске видно дно, то пора выходить на митинг), но услышала, как это делает Зоя.

И как назло – ни единого звука сверху. Чем занимается Ангелина. Спит? Но ведь она, кажется, работает. Если не ошибаюсь, Зоя упоминала склад маркетплейса за городом.

По печенье я действительно соскучилась. Записала рецепт, хотя никогда не просила их у Зои. Знала, что всё равно лучше, чем у неё, не приготовлю. Машинально принялась планировать, как засушить осенью абрикосов. Мольке печенье, несомненно, понравится.

– Так что случилось-то? – спохватилась я, вернувшись к столу с салфетками.

Зоя немного помялась и наконец выложила:

- Игореша... Игореша решил продать квартиру.
- Эту? Твою? – поперхнулась чаем я.
- Эту, – горестно подтвердила Зоя.
- Но как? Почему?

Мне было хорошо известно, что ныне покойный муж Зои Марковны был художником. Довольно известным в узких кругах и в этих же кругах популярным.

Писал Веньямин Нечаянный (в миру Миша Крапов) исключительно сильных мира того: советских партийных деятелей и даже членов Политбюро.

Портреты получались яркими, эстетичными, поскольку Миша не чурался деятелей приукрашивать, особенно дам. Пользовался он довольно спорным, но распространённым в то время лайфхаком: устанавливал за шторой фотоаппарат, незаметно снимал клиента и затем поручал копирование фотографии на холст своим ученикам. Остальное он делал сам, хотя работы там оставалось немного. Ученики помалкивали, за это Миша подкидывал им халтурку и продвигал в неспокойном море соцреализма.

А потом члены Политбюро внезапно закончились. Уже немолодой художник попытался ворваться в перестроечную культуру на крыльях авангарда, но то ли крылья были слабы, то ли новое общество к авангарду было равнодушно.

Зоя была на восьмом месяце. Она долго мечтала о ребенке, но забеременеть получилось только в тридцать шесть (довольно поздно по тогдашним стандартам), когда она остави-

ла все попытки стать матерью. Как будто Судьба, зная наперед, подкинула утешение.

Михаил свёл счёты с жизнью, не придумав ничего лучше, чем приставить к виску дуло пистолета, когда жена была в поликлинике. Предсмертная записка мужа лаконично сообщала: «Знаешь, я вдруг понял, что меня никто не понимает. Даже ты. Помолись за меня. Я ведь в Бога не верю, хотя иду сейчас к нему. Прощайте». Зое пришлось всю жизнь тащить на себе не только сына, но и глубокое чувство вины. А Игорьёша возненавидел отца, как только узнал правду.

Только благодаря заступничеству друзей, в том числе моего Димы, Зою не лишили квартиры в уже тогда престижном Селезнёвском доме. Хотя пытались. И по закону, и без него.

Игорь вырос с пониманием собственной миссии – дать матери лучшую жизнь и отблагодарить за годы самоотречения и жертвенности.

Но я всегда думала, что квартира с дорогими воспоминаниями и странными авангардными художествами Миши на стенах как раз и входила в эту самую «лучшую жизнь».

Игорь знал, насколько мама дорожит атмосферой этого места, несмотря на произошедшее в нём печальное событие. К тому же единственной подругой Зои была я. Её старые связи оборвались. Венъямина Нечаянного, как и Эдуарда Осознанного (в начале Перестройки Миша решил сменить псевдоним, но это не помогло) уже никто не помнил.

– С бизнесом нелады, – нервно сообщила Зоя. – Ты же

знаешь, что там сейчас творится. Все уходят, закрываются. Налоги... и вообще.

Это я понимала. Именно когда бизнес Игоря – производство оборудования для химлабораторий – поднялся, работать стало невыносимо. Повсюду трубили об импортозамещении. Однако стоило заявить о себе, с предприятия требовали неподъёмную сумму только за участие в тендере. Если даже удавалось пробиться дальше, бизнесу отказывали в кредитовании. В итоге всё заканчивалось тем, что оборудование гораздо худшего качества закупалось в Китае, а чиновники рапортовали об успешных поставках, расписывая по карманам «сэкономленное».

– Закрывается хочет, продать бизнес, если купят, – пожаловалась Зоя Марковна. – И ведь только в выставке участвовали, грамоту заработали.

– А что дальше? Зачем квартиру продавать?

– Торговлей вроде планирует заняться. Хотя с этим сейчас тоже тяжело, у людей денег нет. А моя квартира из не дешёвых, сама понимаешь.

– Понимаю, – кивнула я. – А тебя куда? Надеюсь, не в дом престарелых.

– Что ты! – замахала на меня Зоя. – Игорёша никогда так со мной не поступит. Он мне квартиру купит, маленькую. А может, даже домик где-нибудь... в средней полосе. Там много домов продается.

– В деревнях без света и газа?

– Валечка, ты передергиваешь, Игорёша никогда так не поступит. Я-то всё понимаю. Мне все эти хоромы да на старости лет – нерационально. Просто сердце как-то... прикипело. К дому, к соседям, к тебе вот.

Я не нашлась что сказать. Решить проблему Зои Марковны я не могла. Игорёшу я не осуждала – он держался сколько мог и до недавнего времени хорошо обеспечивал свою мать. В плане насыщенной жизни на пенсии она почти не отставала от меня: ходила на концерты и в театр, немного путешествовала, хорошо питалась, лечилась в платных клиниках. Однако очевидно пришло время затянуть пояса.

А я... я собиралась сбежать обратно в тот мир, в котором я была молода и перспективна. Не говоря уже о Мольке, Мильхе и новых друзьях. При этом мне было стыдно. Я бросала старую подругу и закрывала свою линию жизни. А это означало только одно – здесь я тоже умру. Зоя расстроится.

– Ты же знаешь, – после недолгого понимающего молчания снова заговорила Зоя, – у меня с сердцем неладно. А я всё время что-нибудь планирую: то дачу купить, то кошку завести. Глупо! Не надо ничего планировать. Всё всегда происходит неожиданно. И насчёт дома престарелых – я тоже испугалась сначала. Даже сайты посмотрела. А там четырёхразовое питание. Мероприятия разные, общество. Уроки рисования... всю жизнь мечтала. Ведь рисовала когда-то... тоже. Один дом так вообще на берегу озера построен, сад вокруг, лес за калиткой... И если с покупкой дома сравнивать,

так и не настолько дорого выходит. Не нужно сразу крупную сумму из бизнеса доставать. Неизвестно, сколько я ещё проскриплю. Может, вообще выйдет очень... экономно.

Тут я прямо растерялась, не понимая, сколько в словах соседки правды, а сколько иллюзии, в которую хочется верить.

– Или вот дача. Маленькая. Может, даже крохотная? Чтобы огородик и кошку завести. А что мне ещё на старости лет нужно?

Только я раскрыла рот, чтобы поддержать подругу, как та встрепенулась и внезапно сообщила:

– А ты же, наверное, спала и ничего не слышала, да? Ангелина хахаля своего выгнала. С вещами. Прямо поутру.

– Прямо так? – немного напряглась я.

– Собственными глазами видела. Почти голого – на мороз. Вещи с балкона покидала. Орала что-то про полицию. Обокрал он её, что ли?

Я не знала, насколько это осложнит или облегчит моё дело. Но время шло, и нужно было начинать действовать.

Подруга предположила, что соседка сверху скорее всего дома. Девочка ушла в школу, Зоя почти всё утро после телефонного разговора с сыном просидела на кухне, успокаивая себя ромашковым чаем, и не видела, чтобы Ангелина куда-либо выходила. Полиция не приезжала, но дочку в школу девушка почему-то отправила на такси.

– Ох и засиделась я, – вдруг заторопилась Зоя Марковна. – Игорёша просил подумать. Скоро перезвонит на домашний.

Скажу ему про дачу. Не получится с дачей, поеду в этот, как его... «Тихий закат». Спасибо, что поддержала.

Я только развела руками. Я ведь ничего ей не сказала, не посоветовала. И от этой ещё одной рвущейся нити на душе было горько.

Я поднялась к Ангелине сразу после ухода Зои. Позвонила в дверь, постучала. Внутри что-то зашуршало, в глазке мелькнула тень. Но открывать мне не собирались.

– Ангелина... не знаю, как вас по отчеству, – сказала я. – Я ваша соседка этажом ниже. Мне очень нужно с вами поговорить.

За дверью молчали. Сейчас мне бы очень пригодилась моя магия ветра. Даже один лёгкий сквознячок мог бы рассказать мне, что происходит в квартире. Но в этом мире моя магия сводилась к беседе с компьютерной программой.

Кстати, после того единственного замечания она замолчала и больше не отзывалась на запросы. Мне нужно было просто закрыть гештальт – извиниться и снять проклятие, если это вообще было возможным. Однако я очень переживала, не сотворила ли чего-нибудь жуткого с Ангелиной. Всё-таки, как выяснилось, мои предки были если не полноценными магами, то носителями сверхъестественного дара. Если из-за нескольких слов меня аж в другой мир занесло, то как они сказались на объекте проклинания, оставалось только гадать.

– Ангелина, – повторила я. – Я знаю, что вы там. Мне нуж-

но всего лишь несколько минут вашего внимания. Ситуация очень необычная. Дело в том, что я совершенно случайно...

– Если вы жаловаться припёрлись, – донеслось из-за двери, – то короче, мы больше не будем. Честно. Это вообще не я, а этот... ка-а-азёл. Мне проблем не надо. И вообще я скоро отсюда съеду. Радуйтесь. Вы ж меня тут все ненавидите.

– Простите, – сказала я. – Но я пришла не из-за претензий. Вчера... да, было шумно. И я среагировала...

– Ментам позвонили? – тон Ангелины сменился на угрожающий.

– Нет, вовсе нет. Я просто вас... прокляла. Извините, не сдержалась. В роду были, как это сейчас модно выражаться, люди с паранормальными способностями. И я вот подумала, что стоит уточнить...

Дверь внезапно распахнулась, чуть меня не задев. На пороге стояла Ангелина. В коротком обтягивающем трикотажном платье, босиком и с растрёпанными волосами. Она была бледна, глаза испуганно бегали. Ангелина быстро оглядела площадку, схватила меня за руку и втянула внутрь.

Глава 2

– Что ты со мной сделала? – Ангелина с недюжинной силой вжала меня в стену в прихожей.

– Понятия не имею, – призналась я. – Это зависит от того, что с вами произошло.

– Дерьмо со мной произошло! – истерично выкрикнула девушка. – Колдовство хреново! Вы тут все в доме такие – из «Битвы экстрасенсов»?

– Давайте поговорим спокойно, – предложила я.

Ангелина внезапно отстранилась, понурилась, плечи её обвисли. Неопрятная, лохматая, в тугом платье не по фигуре, она представляла жалкое зрелище. Она потащилась на кухню, пошатываясь, цепляясь за стены, словно забыв о моём присутствии. Я пошла за ней. Вошла и мысленно ахнула. Впрочем, что я могла ожидать? Разруха, как говорил классик, всегда начинается в голове.

Со дня смерти тёти Ангелины прошло не так много времени, но новые жильцы умудрились превратить чистую уютную кухоньку Марьи Петровны в рассадник грязи. Какая знакомая картина. Но Ангелина, по крайней мере, создаёт видимость заботы о дочери – хотя бы в школу её отправляет. И иногда почему-то на такси. Остро захотелось схватить тряпку, но... это была не кухня Вельты Брандт, а чужая.

– Садись куда-нибудь, – вяло махнула мне Ангелина. – Ко-

робки вон скинь. И не гляди так. Некогда мне прибираться. У меня ребёнок... Работа и муж... был.

Ангелина вдруг разрыдалась и потянулась рукой к початой бутылке вина на столе. Но я успела первой – быстро вылила алкоголь в раковину прямо поверх грязной посуды. Странно, но никакого возмущения не последовало – девушка словно опять вошла в транс.

Я воспользовалась советом и сбросила коробки из-под дешёвой замороженной пиццы с табуретки прямо на пол.

– Разве ты замужем?

– Гражданский... Муж. Витя. Витюха... Ушёл, – путано пояснила соседка.

– И что случилось?

– Проклятие твоё случилось, – огрызнулась Ангелина.

– Так ты мне веришь?

– А как мне не поверить, когда такое? Снимай проклятие! Не хочу так жить! Лучше не знать! – девушка повысила голос, резко переходя в другую стадию истерики.

Я со вздохом встала и спросила:

– Кофе есть?

Ангелина, глотая злые слезы, ткнула пальцем куда-то вверх. Оказалось, в банку на холодильнике.

– Растворимый? Нет, так дело не пойдёт. Жди, сейчас приду. Дверь не запирай. Ты же хочешь, чтобы я вернулась и сняла проклятие?

Я спустилась к себе. В таком состоянии серьёзного разго-

вора ожидать не стоило. Отсыпав молотого кофе, вернулась в квартиру Ангелины. Заодно прихватила остатки Зоиного печенья, немного крекеров и кусочек сыра.

Ангелина сидела на том же месте, всхлипывая и что-то бормоча.

Странно, но я не замечала признаков похмелья или остаточного опьянения. По всем признакам, не считая перегара, девушка была трезва. Но не в себе. Именно поэтому разговор стоило начать с чего-то привычного, заурядного, вроде кофе и крекеров.

И действительно, когда я начала выкладывать угощение на чистую тарелку, с трудом найденную в шкафу, Ангелина сдавленно пробормотала:

– Жрать-то как хочется. Закусь мы ещё вчера подъели...

– А ребёнка чем утром кормила? – строго поинтересовалась я.

– Творожок в холодильнике был этот... с карамелью. Витян притащил. Эх, Витян, знала бы я, какой ты козёл, я б тебе этот творожок с крысиным ядом в глотку запихала.

Девушка сердито запыхтела. Лицо её было багровым, глаза красными, но слезы высохли.

Я залезла в холодильник и обнаружила, что еды в нём действительно нет. Впрочем, на полке отыскались три яйца. И снова ситуация казалась до боли знакомой.

Яйца я поджарила, с трудом отмыв сковородку, некогда хорошую, с антипригарным покрытием, да и сейчас

неплохую, но с коркой чего-то подгоревшего.

– Проблем со здоровьем нет?

Ангелина покачала головой.

– Тогда кофе варю крепкий. Перчик чёрный? Корица?

– Там где-то, в шкафу.

Специи на полке остались ещё от Марьи Петровны. Дюжина баночек. Я сама дарила этот набор ещё год назад корицу, гвоздику, бадьян, анис, апельсиновую цедру, кумин...

Чуть выше в шкафу заметила пачку какао. Поскольку турки у Ангелины всё равно не было, решила приготовить кофе по-мексикански в небольшом ковшике. Высыпала в воду анис, корицу, гвоздику и апельсиновую цедру и дала специям покипеть. Затем засыпала какао-порошок. Немного поварила и добавила кофе. Конечно, тростникового сахара у Ангелины не было, с ним было бы вкуснее, но это я уже слишком многого хочу. Мелькнула мысль, что такой напиток понравился бы Лисбет, Аните и Кларе.

Ангелина отпила глоток и застыла, ошеломлённо глядя на чашку. Чашки, кстати, тоже пришлось откапывать со дна раковины и отмывать содой, поскольку средства для мытья посуды у нынешней хозяйки квартиры не было.

– Охренеть, – коротко выразила своё восхищение Ангелина и снова припала к божественному напитку.

– Легче? – спросила я.

– Угу, мозги аж пробило.

– Ты поешь. Надо поесть.

– Угу, спасибо.

К моему удивлению, ела Ангелина аккуратно, пользуясь ножом и вилкой. Заметив мой взгляд, пробурчала:

– А чё? Тётка научила. Манеры типа.

– Марья Петровна?

– Ага, она. У меня другой нет... не было. Надеюсь, что из меня человек вырастет, – девушка фыркнула. – Да конечно! Сама в хоромах жила, а мы в бараке. Только я не в обиде. Мамаша моя сама виновата – с сестрой поругалась, с матерью тоже. Тётя Маша предлагала ей помочь, если она завяжет. Мать пыталась, но надолго не получалось. Инсульт и в гроб. Отец давно еще ушел. А я старалась: училась хорошо, техникум закончила, а потом как-то... Замуж выскочила, Дианка родилась... Меня уволили – слишком долго в депрессуре сидела. Эта... послеродовая.

– А работаешь где?

– Кассиром на железнодорожном вокзале. Нормальная работа. Платят как везде. Я вообще аккуратная, внимательная, когда не с бодуна. Сегодня вот только выходной взяла, по личным обстоятельствам, – Ангелина хмыкнула. – По личным, мать вашу. А чё? Честно всё. А можно мне ещё... такого кофе? Очень вкусный.

Я подлила кофе в чашку соседке, отметив про себя, что девушка не такая уж необразованная. Скорее специально старается быть грубой. Так ведь проще. Грубость – это тоже защита. Можно послать подальше прямым текстом бабок на

лавочке с их диагнозами, заткнуть рот скандальному покупателю. Мне вот тоже иногда хотелось бы время от времени отправлять определённых людей в пешее эротическое, но воспитание мешает, даже в образе Вельты Брандт.

– Расскажи, пожалуйста, что случилось, – попросила я. – Как ты поняла, что это было... колдовство?

Ангелина будто бы снова испугалась, сжалась и шумно задышала. Однако я подлила ей ещё одну порцию кофе, и постепенно она расслабилась и стала рассказывать.

Во-первых, она как-то странно вырубилась, когда веселье было в самом разгаре.

– Ну а что? – попыталась оправдаться девушка. – Выходной был. Отдохнуть, расслабиться. У меня вон тоже соседи шумят – сверлят до полночи. Им можно, а мне нельзя?

Однако, традиционно поскандалив с любимым, наорав на дочку (Ангелина этого вообще не помнила), девушка внезапно заснула прямо посреди веселья.

– Как будто выключило. И сон приснился. Неприятный: как будто тётя Маша сидит за столом и головой качает. С упрёком так. И говорит, как обычно: «Что ж ты, Гелинька, с жизнью своей делаешь? Ведь пожалеешь потом, ох как пожалеешь, а поздно будет».

Резко проснувшись утром, Ангелина увидела нечто странное:

– Ну, короче, Витюха, ну стоит рядом с Дианкой, рюкзак ей надеть помогает. А сам... Сам... Не могу объяснить, будто

ещё одна картинка сверху – как он к дочери моей руки поганые тянет и облизывается прям. Нет, не как педофилы эти жуткие, а по-другому: губы вытянулись... в хоботок, – Ангелину передёрнуло от отвращения, – и присосаться хочет, к Дианкиной шее. Моргну – нормальный, молнию на рюкзаке застёгивает. Ещё раз посмотрю: снова вместо рожи – орган сосательный. Я таких даже в самых страшных фильмах не видела. Ну я его к стенке и прижала. Рассказала, что разглядела. Он, конечно, начал орать, что я чокнутая, белочку поймала. А я-то ни в одном глазу, как будто не пила. Вижу его сразу по-разному. Жутко! И по глазам понимаю, что ему тоже страшно, что он спалился, что сам в шоке. Даже спросил меня, как такое возможно. Типа его никто раньше не видел в этой... второй ипостаси. Я его за дверь вытолкала, вещи скинула. Всю трясет, зубы стучат. Дианку в школу на такси отправила, наплела что-то... не помню. А она только рада – всегда жаловалась, что ей с ним рядом плохо становится: тошнит и голова кружится. Я не верила! А теперь не знаю, что делать. Я понимаю, что это вы наколдовали – зрение это. А если бы не наколдовали? Он же замуж звал. И потом что? Выпил бы нас обеих? Что он вообще такое? Или мне помешалось?

На этот вопрос я ответить не могла. Только поняла, что с этой реальностью не всё в порядке. Либо эгрегор что-то накрутил, воссоздавая линию, в которой я жила, либо это всегда в нашем мире существовало и название ему было – скрытая

магия.

– Знаешь, – выдохнула я, подумав. – Мой муж часто бывал на Востоке. Там верят в таких... существ, которые ведут обычную жизнь под видом человека. Они что-то вроде низших демонов. Но это только моё предположение. Очевидно, ты увидела суть какого-то духа или беса.

– Витюха, – простонала Ангелина. – Его что, сожрали? Эта тварь сожрала? Я такое в кино видела! Человека сжирали инопланетяне, а сами в его теле ходили.

– Всё может быть.

– А если мне просто привиделось? И никакая вы не колдунья! Мало ли что с пьяну померещится! Блин, не сходится, я же трезвая была! Ещё удивилась, что голова не болит, в глазах не двоится... – Ангелина обхватила голову руками. – Я всё нормально видела, как вас сейчас. Я передумала! – встрепенулась внезапно девушка. – Не надо снимать проклятие! Как я буду знать, если ещё одна тварь встретится?

– Проклятие надо снять, – покачала головой я, вспомнив Мильхе. – Я точно знаю, что они вредны. Мало ли как оно, неснятое, скажется на твоём здоровье. Просто держись подальше от Виктора.

– К бабке схожу, – прошептала Ангелина, раскачиваясь на стуле. – Пусть посмотрит. Вдруг я тоже экстрасенс.

Я встала и, неимоверно волнуясь, начала говорить. Думала, что скажу что-то вроде: бла-бла-бла, именем рода Измайловых освобождаю тебя...

– Именем рода Измайловых, – сказала я, – снимаю с тебя своё проклятие.

В этот раз я что-то почувствовала – будто пространство чуть дрогнуло. По щеке скользнул ветерок, обдав прохладой. А вот дальше пошло не по плану: слова сами вырывались у меня изо рта:

– Наделяю тебя способностью видеть сумеречных тварей – злых существ, передвигающихся по суше, в воде, по земле и под землёй, в небесах и эфире, имеющих облик человеческий и нечеловеческий. Сможешь распознавать их и уничтожать словом своим. Да будет так. Ой! Я не это хотела сказать! Я случайно! Это не проклятие – пожелание! Само вырвалось!

– Зашибись, – ошеломленно пробормотала Ангелина. – Ну и подарочек. Теперь даже к бабке ходить не нужно.

– Я могу попробовать снять... э-э-э... вторую часть. Но ты ведь сама хотела.

Ангелина задумалась. На её лице отразилась мысленная борьба.

– Не нужно, – выдохнула она наконец. – Ещё начнёшь снимать вторую часть, а там как раз третью подвезут. Да к тому же ты права – я сама хотела. Видеть этих монстров! Мочить их нафиг!

Но Остапа, вернее меня, понесло.

– А она как раз есть, третья часть, – вдохновенно соврала я. – Я её не озвучила, но она... имеется.

– Понятно, – обречённо кивнула Ангелина. – Под звёздочкой, маленькими буквами.

– Что-то вроде этого.

– И чем вы меня ещё порадуете?

– Ты должна бросить пить. Заняться ребёнком. Учиться. Развиваться. Начать прямо сегодня. С уборки. Поесть ребёнку приготовить. Помоги сделать уроки – нормально, как мама, а не как фурия. Иначе... сгинешь навсегда.

– Ну... – вздохнула Ангелина. – В целом ничего сложного. Справлюсь. Я сама все понимаю... но находит. Эй! А как я без отдыха? Как расслабляться-то?

– Если ты про бутылку, то вообще забудь. Максимум кефир и квас.

– На всю жизнь? – ужаснулась девушка.

– Поверь, в мире и без спиртного есть чем заняться.

– А там, под звёздочкой, мелким шрифтом, про личную жизнь ничего не сказано?

– На твоё усмотрение. Если с очередным сосальщиком не свяжешься. Послушай меня, ты нормальная девушка, по крайней мере, когда трезвая. Но видимо, когда ты нетрезвая, то творишь всякую дичь. Ну кто так обращается с ребёнком? Ведь она боится. Это раз. Она тебя такую запомнит на всю жизнь. Это два. Хорошо, если забудет. Но однажды ты можешь совершить что-то такое, что Диана никогда тебя не простит и при первой же возможности постарается оказать-ся от тебя чем дальше, тем лучше. Детские травмы – боль на

всю жизнь. Или же она пойдёт по твоим стопам.

Конечно, я не собиралась втискивать в несколько минут речь, которая тянула на пару десятков сеансов у психолога на кушетке. Но в глазах Ангелины что-то отражалось. Не сиюминутное прозрение и просветление – так не бывает. Но страх там точно промелькнул.

Она пообещала привести себя в порядок, прежде чем поедет за дочкой в школу. И изменить жизнь. Но у меня не было никаких гарантий, что эта третья часть «проклятия» спасёт Ангелину от самой себя.

Я быстро спустилась вниз и проверила экран ноутбука.

С облегчением опустилась в кресло, вновь и вновь перечитывая сообщение:

Гештальт закрыт. Полное слияние души и тела экстратора и акцептора будет завершено в момент возвращения в мир Структурной магии. Вы можете осуществить переход в любое время, но не позже полуночи.

– Что будет с Ангелиной? – спросила я.

На экране завертелись синие спирали загрузки. Интерфейс эгрегор думал.

Вы не можете повлиять на судьбы людей в этой реальности. Их миссия – поддержание альтернативной линии жизни.

– То есть... они массовка? Их не существует? – ужаснулась я.

Чтобы создать альтернативную реальность, были задействованы сверхмощности Древа Знаний, – как мне показалось, с некоторым упрёком сообщил интерфейс. – Задача выполнена. Ошибка исправлена путем значительных затрат вита. Все остальные элементы реальности будут удалены, линия будет закрыта в 00:00 по московскому времени.

– А Дуся? Я смогу её забрать?

Действие непредсказуемо.

Ясно. Посредник эгрегора сам не знает, получится или нет.

– Но почему Ангелина получила такие способности? Ведь я должна была просто снять проклятие?

Издержки магической сборки. Альтернативная реальность была создана из фрагментов других миров.

Короче, просочилось.

Я не стала прощаться с Зоей Марковной. Не потому, что в этой реальности она была всего лишь персонажем. Мне было стыдно смотреть ей в глаза. Ведь в другой линии, где Зоя была реальной, умерла я. Оставила лучшую подругу наедине с проблемами. Оставалось только надеяться, что рассказанная ею история о продаже квартиры относилась только к этой альтернативе. А в той, где уже не было меня, у нее всё было хорошо.

Я сложила в карман платья все свои золотые украшения, не забыв про монету с «неандертальцем» (авось что-нибудь

пронесу), собрала по комнатам разбежавшихся котят, взяла их на колени вместе с Дусей и скомандовала:

– Поехали.

Глава 3

Я проснулась на кушетке в лавке. С облегчением осмотрелась и поняла, что очутилась в том же моменте, в котором переместилась в искусственно созданный для меня мир. В той же одежде. Вельтой Брандт, артефакторшей двадцати шести лет от роду.

Ни Дуси, ни котят в руках не было. Не получилось, значит. Что ж, никто мне ничего и не обещал. Но из глаз почему-то чуть не брызнули горькие слезы разочарования.

Встала и на пол посыпались мои золотые украшения, чистые, словно их обработали в ультразвуковой ванне. Правда, из колец, пары кулонов и браслетов повывпадали кусочки янтаря, корунды и фианиты – нехитрые «драгоценные» камни советской эпохи. Последней об пол гулко стукнулась золотая монета с носатым типом, пережившая путешествие в другой мир и обратно.

Смена декораций была такой резкой, что я какое-то время просто оперлась о прилавок и тупо смотрела перед собой. Я вернулась. Я дома. Мир, в котором я только что побывала, больше не существует. Он был создан ради того, чтобы я получила возможность исправить ошибку. Важно было само действие, а не сцена и не персонажи, участвовавшие в представлении. Но почему мне так не по себе? Радоваться нужно, что эгрегор пошёл мне навстречу.

– Идёт синхронизация души и тела, – как раз отчитался интерфейс. По возможности оставайтесь в ресурсе. Резкие потери вита могут затруднить процесс.

Ладно. Вит тратить не буду. Артефакт у Мильхе пока держит заряд. Заряжу его завтра. Позже проверю мальчика и его состояние. А пока пусть спит. Здоровый сон – тоже лекарство.

Я собрала свои золотые активы, пытаюсь оценить их вес. Не густо. Трудно сказать, найду ли я применение вставкам, к примеру, искусственному рубину, столь популярному во времена моей молодости. Но я попробую пристроить их в какой-нибудь артефакт. Чем чёрт не шутит.

– Наблюдается подавленное состояние экстрактора, – выдал мысленный терминал. – Хотите об этом поговорить?

– Не уверена. Скорее хочу об этом помолчать. Переварить.

– Тогда постараюсь вас немного порадовать. На сегодняшний день вы выполнили пять из пяти условий для гармонизации души и тела, – принялся перечислять Посредник (я решила, что буду теперь так называть своего внутреннего помощника, поскольку выяснилось, что он не само Древо, а инструмент передачи информации). – Ваш арсенал навыков пополнился. Теперь вы владеете внимательностью к деталям. Системным видением, позволяющим читать схемы артефактов и энер-

гетические каналы, а также управлением физической силой. Вам доступен дар воздуха на начальном уровне, ветряной слух и ограниченная возможность считывать эмоции. Вы научились использовать два источника для зарядки артефактов, а также получили доступ к хранилищу Эгрегора объёмом в восемнадцать дейнов. Память Вельты Брандт раскрыта на предельные тридцать процентов, профессиональный опыт артефактора – на пятьдесят шесть. Подключение к эгрегору достигло двадцати пяти процентов.

– Да, ты умеешь подбодрить, – немного оживляясь, проворковала я.

– Боюсь, не всё так гладко, – совсем по-человечески посетовал Посредник.

И выдал:

Текущие активные задачи и угрозы:

Штраф: сто золотых за бракованный артефакт (срок – три месяца)

Проклятие Мильхе: не снято, возможен повторный захват канала

Угроза Мольке: полукровка (фея + эльф) – интерес со стороны неизвестных сил

– Ты забыл про гейс Эйрина.

– Данное действие опционально. На текущий момент у вас нет никаких обязательств перед Эйрином Мирным.

– Зато есть совесть. Человек мне доверился. И если все настолько хорошо, как ты щебечешь, я постараюсь ему помочь. А что насчет перспектив? Где мой навык слежения.

– Навык слежения не доступен, пока не открыт новый уровень профессионального мастерства. Создайте 30 бытовых артефактов для пополнения баланса и разработки личного энергетического поля, без достаточной ширины каналов которого вы не сможете повысить профессиональные навыки.

– О как!

Помните: заёмный вит подлежит возврату в Древо эгрегора. Расчёт будет произведён в течение десяти дней с момента активации. В случае невозврата – санкции.

– И здесь санкции. Шагу без них не ступить, – вздохнула я.

Однако мысль о том, что теперь я много умею, согрела душу. Чёрт с ним, с этим долгом. Выплачу. Подумаешь, потрачу немного крови и сил. Раньше люди вообще кровопусканием лечились. Сомнительная процедура, конечно, но куда я денусь с подводной лодки?

Главное – самой не болеть и за друзьями приглядывать. А ещё есть Молька. Вот она как раз со школы вернулась, ворвалась в лавку. Одна косичка по дороге расплелась, лента потерялась. Пусть это будет самым большим несчастьем в нашей жизни.

– Тётя! – крикнула Молька с порога. – Мильхе?!

– Всё в порядке, не переживай, – раскрыла я свои объятия

ребёнку. – Мильхе в порядке, спит наверху с мамой.

– Я так боялась! – облегченно разрыдалась Молька у меня в руках.

Я присела на кушетку и гладила её по лохматой голове. Личико девочки было бледным, глаза покраснели.

– Как же ты выдержала в школе?

– Старалась думать о хорошем.

– А хулиганы? Не приставали?

– Не. Даже близко не подходили. Вольфи в школе не было. Фравина Ромм была какой-то... странной. Начала писать задачу на доске, дописала до середины, а потом велела нам решать. Решить там нельзя было, никак, потому что не сказано было, сколько ведер с овсом конюшенный досыпал в каждое корыто. Потом я услышала, как фравина Ромм разговаривает с директором о Вольфи и повторяет слово «скандал».

– Тебя о чём-нибудь спрашивали?

– Нет, только фравина Ромм смотрела в мою сторону... Три раза. Но ничего не сказала.

– А этот... который толстый?

– Юрген тоже был странным, – Молли задумчиво почесала нос. – Бледным каким-то, трясся весь. Мне кажется, голуби его очень сильно напугали.

Да уж, подгнило что-то в Датском королевстве. Надеюсь, в этом не замешана фравина Ромм. Молька её очень любит.

– Ты голодная? – спросила я.

– Не знаю. В животе как-то... сосёт, – пожаловалась Мол-

ли. – Но мне было так страшно, что поесть я не смогла.

– Всё позади. Сейчас пообедаешь и отдохнёшь. Надо придумать, что приготовить для Мильхе. Сварю-ка я супчик.

Однако холодильник порадовал меня холодом от заряженного артефакта, но совсем не ассортиментом продуктов. Выбор был: сбегать в колбасную лавку или сварить суп сразу на всех. Но я выглянула в окно и увидела Курта. Пользуясь тем, что после дождя земля подсохла, но оставалась мягкой, Бренц практически перекопал весь огород и не собирался останавливаться. Суп – это, конечно, хорошо, но Курту, истощённому нездоровым образом жизни, нужны витамины и мясо.

– Потихоньку поднимись в свою комнату, возьми вещи и переоденься, – велела я племяннице. – А я пробежусь по соседним лавкам, посмотрю, что можно придумать.

Мне повезло. Прямо за порогом я наткнулась на зеленщика дядюшку Боннена. Снова пошёл мелкий дождик, но герн Боннен в своей широкополой соломенной шляпе как ни в чём ни бывало разгуливал с корзинкой по улице Девятихвостых Лис.

При виде меня зеленщик оживился. Улыбка заиграла на его морщинистом лице.

– Чем могу помочь, красавица Вель? – обратился ко мне он. – Петрушки? Ревеня? Есть отличный сельдерей.

– Увы, ничем, – махнула рукой я. – Зелень ваша, конечно, хороша, но мне нужна свежая курица и срочно. Ума не при-

ложу, где купить курицу поближе к дому, чтобы не бежать на рынок, где их, должно быть, к этому часу вообще распродали. У колбасника куры есть, но только копчёные.

– Пфе, госпожа Брандт! Разве же это проблема? Хотите курицу – будет вам курица. Сейчас отправлю невестке весточку, и она её вам быстро зарубит, ошиплет и осмолит. И даже разделает, если пожелаете.

– Пожелаю! – воскликнула я. – А я думала, вы только зеленью торгуете.

– Невестка меня до большего не допускает, – без всякого смущения пояснил дядюшка Боннен. – Говорит, что я болтаю много. Будь их с сыном моим и матушкой воля, я бы только у камина старые кости грел. Оно, конечно, приятно, но скучно. Я-то стар, но пока могу двигаться, бесполезным овощем в кресле-качалке валяться не собираюсь.

– Очень похвально, – рассеянно сказала я, заинтересованно наблюдая за тем, что делает старик.

А он сорвал лист с капустного вилка и общипал его потемневшими от табака пальцами до формы острокрылой птички. Затем дядюшка Боннен прокашлялся, поднёс получившуюся фигурку ко рту и с серьёзным видом проговорил:

– Там эта... Фьена, заруби-ка курицу на продажу, почисть и разделай. Мальчишку за ней пришлю.

Дядюшка Боннен дунул на поделку, и птица из капустного листа ожила. Затрепетав крылышками, она вспорхнула с ладони зеленщика и, подхваченная ветром, куда-то понеслась.

– Необыкновенный дар! – изумилась я.

– Да так, глупости, – махнул рукой дядюшка Боннен. – Наша семейная магия. Восточку передать или что-то маленькое, легкое.

– И вы из чего угодно можете создать послание?

– Только из овощей. Мы ведь испокон веков зеленщики. И магия наша заслуженная: мы всегда только свежую зелень продаём, с собственного огорода. А сын с женой держит птицу. Не только кур, но и уток, гусей, перепёлок. Каплунов и пулярок откармливают. Если нужен жирный гусь на зимние праздники, то самые лучшие – у нас.

– Но как ваша невестка узнает о том, что вы попросили?

– Голос мой услышит. Голос мой в птице остался. Смешной, правда, писклявый, но понятный.

Я передала дядюшке Боннену монету с лысым дядькой и вернулась в лавку ждать обещанную курицу.

Примерно через час, когда я успела навести порядок на кухне, приготовила салат из редиса и огурцов (уж больно хороши они были в корзинке зеленщика), прибежал младший сын герна Коха с разделанной на кусочки курицей в промасленной бумаге. Такой упитанной и профессионально разделанной, что я решила с этого дня заказывать птицу только у Фьены Боннен. А ведь могла и дальше ходить мимо нашего зеленщика и не знать о таком прекрасном семейном сервисе. А всё потому, что дядюшка Боннен, стоило к нему подойти, забалтывал покупателей в буквальном смысле до дезориен-

тации.

Курица была большой. Я вспомнила, что видела в сарае огромный, как мне тогда показалось, чугунный казан. Для маленькой семьи – я и Молька – он был слишком велик. Но теперь мог бы пригодиться.

Герн Боннен и его очаровательный дар немного отвлекли меня от грустных мыслей, но я всё ещё переживала. Зоя Марковна, Ангелина с её раскрывшимся даром... Я не могла воспринимать их статистами. И Дуся... Её котята как раз достаточно подросли, чтобы радовать своими играми и шалостями.

Лисбет проснулась и занялась посевом холодостойких душистых трав. В отличие от профессиональных овощеводов, позволить себе теплицу я пока не могла. Но теперь мой небольшой участок обещал превратиться в огородик с витаминами. К семенам, которые я купила на рынке, Лисбет добавила горсть своих: кресс-салат, кориандр и шпинат. Если не будет сильных заморозков, уже в конце весны мы сможем готовить салатики из своей зелени.

Курт ушёл отдыхать в мою комнату. Молька ждала, когда проснётся Мильхе.

Я вошла в сарай и услышала какой-то странный звук. От него по коже побежали мурашки.

– Р-р-рх... ры-ы-ыгх...

В полумраке я первые несколько секунд не могла ничего толком разглядеть. Но затем похолодела, переведя взгляд в

угол, где доски рассохлись, разошлись и пропускали солнечные лучи.

Там на старой мешковине копошились пять крупных дымчато-серых... котят? Миленькие мордочки, густой мех с тёмными пятнами на белом фоне, длинные хвосты, круглые ушки... само очарование. Если не считать, что размером милахи были со взрослую кошку.

Котята обратили мордочки в мою сторону, замерев и рассматривая меня дивными голубыми глазками. Однако выяснилось, что рычали вовсе не они. Мама-кошка – каким-то не подвластным моему уму образом – тоже оказалась в сарае. Это она, почти полностью сливаясь с полумраком в другом углу, издавала угрожающие звуки, от которых мои мурашки сменились каплями холодного пота.

Дверь за мной захлопнулась. Я оказывалась наедине с хищным зверем. Причём матерью, готовой защищать своих детёнышей до последнего. В голове крутились разные версии того, как ко мне в сарай попало семейство снежных барсов. Не зря я столько лет преданно смотрела программу «В мире животных». Этих прекрасных хищников там показывали не раз.

– Несмотря на красоту, снежный барс – суперхищник, идеально приспособленный к выживанию в суровых условиях высокогорий, – прозвучал в голове голос Николая Дроздова. – Его длинный хвост, мощные лапы, густой мех – всё это идеально работает в горах во вре-

мя охоты. Редкая добыча уйдёт из-под носа этого грациозного бесшумного зверя.

Но жизнь не спешила проноситься перед глазами, даже когда мама-кошка, издав странный звук, похожий на мяуканье, присела для прыжка, а котята дружной писклявой толпой понеслись ко мне.

Глава 4

– Дуся, – прохрипела я, оглушённая писком, мяуканьем и мурчанием. – Если ты сейчас с меня не слезешь, я задохнусь.

В поле зрения появилась удивлённая кошачья морда. Дуся подумала и убрала свои пудовые лапы с моей груди. Я наконец вздохнула полными лёгкими и смогла приподняться, поскольку минутой раньше от Дусиного жаркого приветствия меня снесло на пол и расплющило.

К счастью, дело не дошло до кошачьего «массажа». Мне страшно было представить, что бы со мной случилось, реши Дуся по старой привычке игриво выпустить коготки. В обычном мире это сходило за лёгкое иглоукалывание, здесь скорее напомнило бы потрошение.

Дусины котята радостно резвились. Их, казалось, ничуть не волновало, что сейчас они весят больше взрослой кошки. Кстати, насколько я помнила факты из любимой телепередачи, в нашем мире снежные барсы были гораздо меньше размером.

Мне удалось сесть. Дуся кружила рядом, периодически бодая меня головой, в восторге от воссоединения с хозяйкой. Я понятия не имела, как она меня узнала. В момент, когда она неслась на меня, выпустив когти, в её глазах мелькнуло понимание. Она сумела приземлиться, не долетев, но врезалась в меня корпусом и повалила на пол. Котята, при-

няв происходящее за игру, конечно же, охотно присоединились к забаве.

– Ох и дела, – наконец выдохнула я. – А чему я, собственно, удивляюсь? Если я изменилась, попав в иной мир, почему бы этому не произойти с Дусей?

– А ты, – обратилась я к Проводнику, – хоть бы предупредил.

Интерфейс выдал что-то вроде «сам в шоке» и туманно сослался на неминуемое накопление ошибок.

– А если, – неожиданно пришло в голову мне, – со мной перенеслись Зоя Марковна, Ангелина и её дочь?

Дуся внимательно слушала, распушив усы. Котята погнались за каким-то насекомым, заодно обрушив старые доски в углу.

– Нет, такое вряд ли возможно, – сделала вывод я, успокаивая саму себя. – Во-первых, у нас не было непосредственного контакта, во-вторых... И все же...? Чисто теоретически? Нет, точно нет. В таком случае в путешествие по мирам со мной отправился бы весь Селезнёвский дом. Этого я бы однозначно не разгребла.

– То есть ты ничего такого не ощущаешь? – уточнила я у Проводника. – Ну... не знаю. Эманации какие-нибудь, сотрясение эфира. Можешь просканировать этот мир на предмет появления новых обитателей?

Проводник с некоторым пафосом объяснил, что каждое живое существо имеет связь с определённым эгрегором про-

сто в силу своего существования. Но не у каждого человека эта связь проявлена, активирована, так сказать. Тем не менее если в магии Структурного мира что-то ощутимо поменяется, Проводник сразу мне об этом сообщит.

С Дусей нужно было что-то решать. По её поведению, мгновенной реакции на мою просьбу слезть с меня и умным глазам я догадалась, что передо мной не просто животное, а вайз – магический зверь.

Но меня волновало другое.

– Как же я вас всех теперь прокормлю? – задумалась я.

Дуся совсем не беспокоилась. Она легла на пол, подобно египетскому сфинксу выставив перед собой лапы, и принялась их вылизывать. Котята, наигравшись с жуками и мокрицами, дружно подлезли к её животу и зачмокали. В природе малыши хищных кошек питаются маминым молоком дольше, чем домашние котята. Дусе нужно хорошее питание, а учитывая её нынешние размеры, мне будет довольно не просто его обеспечить.

Я решила поделиться с Дусей своими соображениями, следя за её реакцией. Кошка внимательно слушала меня, наклонив голову, а когда я закончила свою проникновенную речь, пренебрежительно муркнула. Дескать, ерунда вопрос. Парочка упитанных кур на обед и столько же на ужин – и никаких проблем.

Разумеется, то на самом деле подумала кошка-попаданка, я доподлинно не знала. Ветер принес только неясные образы

старой квартиры.

— Что?! Ты подрала сзади винтажное довоенное кресло? — возмутилась я. — И это все, что ты можешь мне рассказать? Мне срочно требуется переводчик с кошачьего. Обещай, что не тронешь мою племянницу! Не пугать и не обижать!

Сама Дуся в бытность свою простой кошкой детей не боялась и не сторонилась. Она вообще была довольно добродушным существом.

Мы познакомились с ней на даче. Обычное дело: дачники взяли у местных милого котёнка-подростка, поигрались, но беременную кису в город с собой брать не захотели и бросили её на произвол судьбы. Сначала брошенку подкармливали соседи, потом она обосновалась в тёплом сарае. В декабре Игореша снял для матери домик у реки, Зоя Марковна пригласила меня отпраздновать Новый год с ней. В итоге вместе с домом мы заполучили и Дусю.

Веру в людей и доброжелательное к ним отношение кошка не потеряла — не успела, к счастью, озлобиться, узнать, что такое голод и плохое обращение. Когда к нам приходили соседи, в том числе и с детьми, чтобы заранее «забронировать» котенка, Дуся с удовольствием показывала своих отпрысков.

Но это было в том мире. Здесь Дуся была хищником со всеми вытекающими дикими инстинктами и повадками. Как-то сразу вспомнился отрывок из документального фильма, в котором снежный барс охотился на горного козла. Оба

весили килограмм под шестьдесят, но при всей своей прыгучести и манёвренности шанса выжить у козла не было.

– Ладно, – решила я, напряжённо глядя Дусе в глаза. – Пока сиди здесь. Ты меня понимаешь?

Дуся слегка прищурилась. Кажется, это означало «да».

Дезориентированная и обслюнявленная, я вернулась в дом... без казана. Пришлось возвращаться. Дуся с котятами устроилась в углу на мешковине.

– Ждать, – ещё раз велела я, запирая хлипкую дверь на засов и понимая, что пожелай кошечка выйти погулять, подобные препятствия её не остановят.

Пока отмывала казан, пыталась прикинуть, как адаптироваться под свалившиеся на мою голову обстоятельства. Долг – это раз. Отсутствие покупателей (которых я очень понимала, ибо характерный для Вельты способ ведения бизнеса – с пятого на десятое – меня бы тоже отпугнул) – это два. Элитный, ценный, но от того вряд ли менее прожорливый питомец (и ещё пять на подходе, как только начнут требовать прикорм) – это три. А у меня всего две руки и двадцать четыре часа в сутках.

«С другой стороны, в моём сарае сейчас живут шесть вайзов», – утешалась я.

Котята подрастут, их нужно будет куда-нибудь пристроить. Даже тот факт, что они переродились в магических хищников, вряд ли позволит выпустить их в дикую природу. Вряд ли ошибусь, предположив, что вайзы стоят дорого.

Вспомнить хотя бы любовницу Эйрина с пантерой. Ох, голова от всех этих мыслей кругом.

Казан быстро разгорелся на свежем горельном камне. Куски курицы зашипели, отдавая ароматный жирок. По кухне поползли невероятные запахи.

В холодильнике меня ждал сюрприз: Лисбет принесла молоко и жирные сливки. Я решила немного изменить блюдо. Дождалась, когда куски курицы обжарятся, и выложила их на блюдо. В куриный жир опустила порезанный лук, плеснула немного воды, чтобы лук карамелизовался. Добавила сливок, затем вернула курицу в казан, дала ей потушиться и присыпала кипящие сливки ложкой муки, позволяя ей медленно намокать. Как только соус начал густеть, выключила камень и несколько раз перемешала содержимое казана.

– Ох! – на кухню забежала Лисбет. – Так и знала! Не успела!

– Что случилось? – испугалась я.

Выяснилось, что вместе с молоком и сливками госпожа Бренц принесла баночку молотых лесных грибов. Родители Лисбет были заядлыми грибниками.

Конечно, я не удержалась от того, чтобы улучшить блюдо. Развела грибной порошок в кипящих сливках отдельно и влила в казан. Блюда это нисколько не навредило, а на запах сбежались все.

Курт принёс проснувшегося Мильхе. Мальчик наотрез отказался обедать в своей комнате. Чувствовал он себя непо-

хо, но наевшись, заснул прямо за столом.

А я вдруг осознала, что моя кухня довольно мала. И плита невелика, на двух горельных камнях сразу много не приготовишь. Холодильный шкаф желательно бы обновить, а внутрь поставить не один кристалл, а сразу штук пять, по крайней мере, три – для морозилки. Есть куда двигаться. И это... хорошо! Проблемы будем решать по мере их поступления. В крайнем случае – пока просто складировать ровными кучками.

Накормив Бренцев, я проверила артефакт на поясе Мильхе. Теперь магический накопитель разряжался гораздо медленнее. Следов того, что канал отсоса вита восстанавливается, не нашлось. Я бы с удовольствием оставила Бренцев у себя, чтобы следить за состоянием мальчика, но для такого количества гостей дом был слишком мал.

Меня тревожило, что где-то там бродит энергетический вампир, вернее вампирша. Была ли это та самая бабка, что уговаривала Лисбет продать сына, или кто-то другой, оставалось только гадать, но я почему-то доподлинно знала, что упыриха вернётся. И тогда мы схлестнемся.

Бренцы ушли. Я провела их и заглянула в сад. После усилий друзей участок выглядел совсем по-другому – аккуратным и ухоженным. Курт успел спилить засохшие ветви яблони и порубить их на поленья. «Хорошо, что в сарай их не понес», – с содроганием подумала я, возвращаясь за стол.

– Слушай, Молли, – обратилась я к племяннице. – Ты ведь

не боишься кошек?

– Не боюсь, – мелкая пила чай с булочкой – в лавке успела побывать Анита, которая оставила на прилавке корзинку с выпечкой.

Для меня в ней был небольшой тёмный круглый каравай и записка с рецептом изготовления. Анита приготовила хлебец из льняной муки, яиц, оливкового масла и орехов. Наконец-то я могла насладиться настоящим хлебом. Я макала его в грибную подливу и смаковала каждый кусочек.

Угощение от Аниты меня удивило. Я, конечно, рассказывала ей о своей диете, но вряд ли булочница имела представление о количестве углеводов в той или иной муке. Но ведь как-то она же догадалась, что из всех видов выпечки я пока могу есть только кето-хлеб.

– Разве он вкусный? – Молька отломала от караваея кусочек. Попробовала и скривилась: – Булочка вкуснее.

– Ну и ладно, мне больше достанется.

– Ты теперь всегда будешь есть вот... это?

– Не всегда. Такой хлебушек часто считают очень полезным, но это не совсем так, – начала рассказывать я, вспоминая свои познания в правильном питании. – Фрава Шмидт сделала его из льняной муки. Если есть такую выпечку часто, заболит живот. Лично я свой хлебушек заморозу и буду съедать по маленькому кусочку. Иногда очень хочется соорудить бутерброд или макнуть мякиш в глазунью.

– Почему ты спросила меня о кошках? Как можно бояться

котиков? Они милые, мягкие, пушистые. У них такие смешные усики!

– Усики... хм... пушистые, да, – подтвердила я. – Это точно. Но кошечки... Понимаешь, Молли. Так получилось, что у нас случайно появились кошечка с котятами...

– Не может быть! Тебе их Эйрин подарил? – Молька подпрыгнула на стуле, чуть не опрокинув на себя чашку.

– Нет. Как-то... сами завелись. Ну, не сами, а пришли из леса.

Молли слегка нахмурилась:

– Разве так бывает?

– Это... хм... немножко дикая кошечка. В том смысле, что большая и чуть-чуть страшная.

Стремясь осторожно подготовить Мольку к встрече с Дусей, я ещё больше её заинтриговала. На всякий случай велела мелкой сначала заглянуть в щёлку. Но Молли рвалась поближе познакомиться с нашими новыми домашними питомцами.

Дуси в сарае не оказалось. А вот и лаз – от стены сарая, выходявшей на пустырь, были отодраны несколько досок. Я встревожилась, но успокаивала себя мыслями, что Дуся сумеет за себя постоять. Главное, чтобы не решила подзакусить грибниками и не наткнулась на охотников.

– Какие большие котята! – с восторгом прошептала Молли. – Это же... Это...

– Снежные барсы.

Котята тоже заинтересовались: проснулись и начали к нам подкрадываться. Со стороны это смотрелось очень смешно: как будто по деревянному полу перекатываются неуклюжие пушистые шарики. От их пятнистых шубок рябило в глазах.

– Это же магические звери! – воскликнула мелкая. – Они пытаются со мной поговорить! – Молли опустилась на одно колено, прикоснувшись к самому смелому котёнку. Тот внимательно обнюхал её руку и озадаченно плюхнулся на попу.

– Ты их слышишь? – с волнением поинтересовалась я.

– Немного... Они, наверное, ещё маленькие и не умеют выражать свои мысли. Но кое-что я слышу. Вон у того котенка чешется за ухом, а лапки почему-то плохо слушаются. А этот не понимает, куда делась мама. Им всем немного не по себе. Сразу двое жалуются, что вокруг слишком много запахов.

Значит, подтвердилось: у Молли дар, она слышит вайзов. С одной стороны, это чудесная способность, которая может обеспечить девочке безбедное существование, с другой – мелкой уже кто-то заинтересовался. Не удивительно. Если в этом мире существуют люди, способные создавать огонь, делать птиц из капусты и управлять ветром, найдётся и тот, чей дар – видеть таланты других.

Молли уселась прямо на доски. Котята пытались вскарабкаться ей на колени и охотились за кончиками ленточек на платье. Они были ещё совсем неуклюжими. Глядя на их прыжки и кувырки, трудно было представить, в каких зверей

они вырастут. Но уже через пару месяцев на месте пушистых комочков окажутся неугомонные зверята. И для них нужно будет найти хозяев.

Я объяснила это Молли. Она, конечно, сразу состроила плаксивую мордашку и принялась уговаривать меня оставить одного котёнка.

– Посмотрим, – не стала сразу обещать я. – Нужно, чтобы ты попробовала поговорить с их мамой.

Очень хотелось верить, что Дуся пошла на охоту. В своей прошлой жизни она неплохо промышляла мышами и крысами, чем и заслужила расположение обитателей дачного посёлка.

С котятками Молли рассталась неохотно. Больше всего ей понравилась та самая смелая девочка, которая подошла к ней первой.

– Я назову её Пушинкой. У неё такая мягкая шубка. Давай оставим Пушинку у нас! Давай оставим двух котят! У меня будет котёнок! У Мильхе будет котёнок! У нас будут настоящие вайзы!

– Вот это меня и беспокоит, – пробормотала я. – Настоящие вайзы, которые есть только у жителей Белого Города. Сначала нужно узнать законы. Вайзы никому просто так на голову не падают. Как нам объяснить их появление?

– Не знаю, – растерялась Молли. – Но вайзов нельзя украсть, это все знают. Еще они выбирают себе хозяев. Некоторые маги могут их подчинить, но тогда настоящей друж-

бы у них не получится. Я могу завтра расспросить фравину Ромм. Она очень многое знает о магических животных. Старшеклассники ездили с ней на экскурсию в питомник магических енотов. Енотики тоже очень милые. Их часто держат гарпии. Для охраны. Как собачек.

Я представила герна Птусса с енотом и почему-то обоих в ермолках. Картина получилась весьма гармоничная.

Конечно же, мысль об оставшихся в сарае котятках не давала Мольке покоя. Дошло до того, что вместо домашнего задания она принялась читать учебник по естествознанию. Пришлось сделать вид, что я сержусь. Тогда Молли быстро сделала уроки, вернулась на кухню, где после уборки я засела над блокнотом, и принялась доставать меня просьбами оставить всех пятерых котят.

Ей и Мильхе – по котенку. Третьего она отдаст фравине Ромм, четвертого Аните, а пятого... еще не придумала.

Вечером мы снова отправились провести кошачье семейство. Как я и предполагала, Дуся вернулась с охоты. Об этом свидетельствовал её сытый довольный вид. В углу сарая валялась обгрызенная заячья лапа, которую киса принесла детям в качестве игрушки.

Одна проблема – с плеч долой. Если Дуся не будет лениться, то и её котятка без еды не останутся. Другой вопрос – размеры вольера. Куда девать маленьких барсят, когда их нынешний дом станет для них мал?

В сарай я вошла первой и осторожно представила Молли

Дусе. Дуся поднялась с мешковины и плавно к нам приблизилась. Молли замерла, вцепившись мне в руку, но глаза её горели восторгом.

Заметь я хоть одно проявление агрессии, воспользовалась бы силой ветра или собственной силой. Но Молька радостно сообщила:

– Дуся сказала, что от меня пахнет тобой. Она решила, что я твой маленький котёнок.

В этот же момент Дуся перестала наматывать круги вокруг Молли и мягко шлепнулась на спину, подогнув лапы.

– Ей можно погладить животик, – перевела мне мелкая.

Не успела я отреагировать, как Молли запустила руки в пушистый мех на животе у кошки. Дуся изобразила что-то вроде мурчания и, кажется, сама удивилась новым способностям издавать странные утробные звуки.

Оставалось с удовлетворением признать, что характер Дуси не поменялся, несмотря на переход из одного мира в другой. Однако даже в самых смелых фантазиях я не предполагала, что вместо миниатюрной кошечки получу краснокнижного зверя, к тому же разумного.

Молли пояснила, что слышит Дусю гораздо хуже, чем сокола Эйрина. С другой стороны, Фальк общался более примитивными «картинками». У Дуси образы быстро сменяли друг друга, но в этой смене присутствовала универсальная логика, подкрепляемая эмоциями. Мокрые листья в лесу – плохо. Толстый заяц – азарт, сытость – хорошо. Толстая хо-

зьяйка – больше Дуси на ней поместится – отлично!

Киса сама удивлялась тому, что теперь её понимают. Мысли её скакали от успешной охоты к гордости за котят – таких больших и красивых. В конце концов, Молли немного ошалела от количества образов, которыми с нею поделилась кошка-попаданка.

– Думаю, это с непривычки, – предположила я. – Ни ты, ни Дуся ещё не имели опыта такого емкого общения. Так ведь?

– До Фалька я никого не слышала, – подумав, подтвердила мелкая. – Разве что... наверное, мышей иногда. Но я только теперь понимаю, что то были мышинные мысли. Словно щекотка в голове. Теперь я думаю, что это я сама направила голубей на Толстого Юргена. Ну, или они услышали мои мысли и захотели мне помочь, те голуби. Толстый Юрген даже голубям не нравится.

– В любом случае никому о Дусе не рассказывай, – повторила я.

– И Мильхе?

– Что ж, Мильхе и его родителям придётся рассказать. Но в любом случае без помощи друзей нам одним не справиться.

Глава 5

Утром я наконец-то сумела вернуться к прежнему, очень меня устраивавшему режиму. Подъём, медитация, вода с солью, зарядка. Тело подчинялось гораздо легче. Я спокойно доставала руками до пола, а колени поднимала на уровень талии. Да и талия... Внезапно оказалось, что она у меня есть, к тому же довольно выраженная.

Также выяснилось, что шнурок на моей любимой юбке затягивать больше некуда. Пришлось подвязать её пояском. Блузы сидели свободно, давая мне больше свободы и воздуха. Выдающийся горб на задней части шеи практически исчез, и теперь я могла спокойно поднимать голову вверх, не упираясь затылком в жирные складки.

Отеки сошли, повышенного давления я больше не чувствовала, но продолжала пить травы. Гипертония – штука коварная. Медленный убийца. И это не преувеличение.

Теперь следовало подумать о новом гардеробе. Однако мысли о долге в сто золотых не позволяли широко размечтаться. А тут ещё и руки отреагировали на похудение – мышцы обвисли и болтались тряпочками. Я попробовала позаниматься с двумя мешками с глиной. Но, во-первых, это было неудобно, а во-вторых, они кому угодно могли показаться тяжёлыми, но не мне.

Как жаль, что в Бергхайме не имелось спортзалов. Но са-

мо их существование в Сером Городе было бы абсурдом. Жители и так каждый день упаживались до изнеможения. Полнота даже была в некотором почёте. Она означала, что человек достаточно обеспечен, чтобы купить себе много еды.

Я потихоньку приближалась к престижному весу, как говорится, кровь с молоком. С лица действительно ушла краснота. Мой нехитрый набор косметики – розовая вода, миндальное масло, мёд и маски на молоке – вернули коже некоторую белизну. Ушли припухлости и рыхлость. Тело лечилось, а с ним и вся энергетическая система.

Не поленилась и проверила работу ауры. Мои последние приключения никак на ней не сказались. Но немного улучшились каналы печени, почек и сердца. Избавившись от необходимости постоянно выводить алкогольные яды, тело получило возможность регенерировать.

Дима часто повторял, что все мы могли бы жить до ста двадцати лет минимум, а то и больше. Но польза от продвинутых медицинских технологий обнулялась ухудшением экологии и качества пищи. В этом мире еда была выше всяких похвал, однако имелись другие риски: инфекции и паразиты. Я задумалась о том, чтобы сделать аналог Тифенгрунта, артефакта обнаружения примесей. Очень не помешал бы анализатор качества воды, мяса, молока и прочих покупных продуктов.

С этими мыслями я спустилась вниз. Приняла душ и при-

готовила омлет, добавив к яйцам чуть-чуть грибного концентрата и мелко нарезанную зелень. Сделала запись в блокноте: всё-таки навестить колбасную лавку и запастись долго хранящейся мясной продукцией: копчёностями и солёной грудинкой. Как говорится, в случае наплыва гостей, просто метнуться к холодильнику и выставить на стол вкусную нарезку.

Деньги пока есть. А вот лавка давно стоит без покупателей. Впрочем, пока мне и торговать особо нечем.

Молька, едва проснувшись, отправилась в сарай. Ночью Дуся неплохо поохотилась. В качестве забавы для котят притащила часть кабаньей ноги с копытцем. Нужно разузнать, как тут вообще с охотой. Выдают ли лицензию, открывают ли сезоны на определённый вид дичи. Ибо я да Дуся – серьёзная команда. Вот только, чтобы отыскать добычу, кошка явно ходит далеко и надолго. А ещё я мельком слышала о том, что в лесах водится всякая нечисть – магические звери, полуразумные, но не склонные к тому, чтобы заводить дружбу с человеком. А вот до того чтобы полакомиться им весьма даже охочие.

Молька ушла в школу, а я снова раскрыла блокнот и задумалась. Когда я искала документы и письма сестры, видела в папке отдельную перевязанную бечёвкой стопочку бумаг. Наверное, именно там находились свидетельства о браке и смерти мужа.

Как ни странно, эта область памяти попала как раз в сектор «утраченных навсегда». Не то чтобы я об этом пережи-

вала, скорее наоборот – меньше знаешь, лучше спишь. Но ситуацию, конечно же, следовало прояснить.

Только я решила заняться бумагами, как внизу тренькнул колокольчик. Бренцы, Клара и Анита позвали бы меня по имени. Но снизу доносилось лишь деликатное покашливание. Значит... или пришёл клиент, или меня снова за что-то оштрафуют.

Причёска у меня была свежей, одежда аккуратной и чистой, чеснок я накануне не ела. Почему бы не начать день в роли приветливой хозяйки? Однако спустившись вниз, я немного замешкалась, раскрыв рот и рассматривая неожиданного посетителя.

Это был молодой человек, худой и высокий. Скорее подросток, чем юноша. Всё с ним было бы хорошо, если бы не алая россыпь прыщей на щеках – нередкая проблема в этом возрасте.

Акне, или вульгарные угри. Сама я этим заболеванием никогда не страдала, но много слышала о нём от знакомых и коллег с детьми-подростками. В некоторых случаях эта болезнь требовала серьёзного лечения после сдачи целого списка анализов. Но здесь я вряд ли могла бы отправить парня к эндокринологу. Понятно было, что пришёл он за артефактом от прыщей.

Пока я рассматривала молодого человека, тот в буквальном смысле постепенно заливался краской смущения до корней светлых волос.

– Добро пожаловать в лавку волшебных вещей, – наконец опомнилась я. – Я Вельта Брандт, хозяйка лавки. Чем могу вам помочь?

Юноша тоскливо оглянулся на дверь. Я бы не удивилась, если бы он пустился наутёк. Но, преодолев замешательство, он всё-таки выдавил:

– У меня проблемы с кожей. Один друг сказал мне, что... что это можно решить магией. Он купил у вас артефакт... от прыщей. И у него всё прошло... не сразу, но сейчас дела намного лучше. Он... он познакомился с девушкой.

– Отличная реклама для моей торговли, – лучезарно улыбнулась я. – Однако, простите за откровенность, если не ошибаюсь, у того молодого человека проблемы с кожей были не столь... радикального характера.

Юноша опустил глаза, часто моргая. Ну понятно. Я была его последней надеждой. А приятелю, который рассказал об артефакте и о котором я, к сожалению, ничего не помню, наверняка хватило небольшой коррекции ауры.

– Да, – пробормотал парень. – У меня всё намного хуже. Я так и думал. С самого начала предполагал, что мне уже ничего не поможет.

– Как тебя зовут?

– Хольд Рюнге.

– Не стоит так отчаиваться, Хольд Рюнге, – сказала я. – Просто к проблеме нужно подойти... комплексно.

– Как это? – вяло шмыгнул носом юноша.

– На самом деле тебе следовало прийти не ко мне, а к лекарю.

– Я ходил, – парень ещё больше понурился. – Господин Форфензее сказал делать примочки из ослиной мочи.

– И они помогли?

– Я не смог. Не смог... мочей.

– Понятно, – понимающе кивнула я. – Еще и денег небось доктору за назначение заплатил.

– Ну да. Они и так от меня шарахаются, девушки, – признался подросток. – А тут еще и моча... Я потом у ведуньи был. Травы пил. Заклинание читал – мне написали на бумажке.

– Вижу, что не помогло. Ладно. Постой неподвижно несколько минут, я сканирую твою ауру.

Для отвода глаз взяла с полки артефакт от геморроя, но сама просто подключила Системное видение. Как я и ожидала, проблема заключалась в резкой перестройке организма молодого человека. Прямо сейчас сердце частит, а на тонком плане выглядит как белёсый круг с рваными краями. Печень увеличена, просто горит огнём, не справляясь с избытком углеводов от неправильного питания. Да и весь правый канал сильно разогрет, перегружен.

– Что думаешь? – спросила я у Проводника.

– Сладкое любишь? – спросила я.

– Оно... успокаивает, – признался парень, снова покраснев. – Мама держит кондиторию на набережной. «Кайзерина

Элизабет». Сами понимаете...

Понимаю. Та самая кондитерская, в которой мы были с Лисбет, Куртом и детьми. Миндальное печенье, взбитые сливки, безе с ягодами...

– Нужна диета, – честно говоря, прозвучало это грустно.

– А нельзя как-нибудь... без неё?

– Магией – бдыщ-щ-щ? – не без иронии уточнила я. – Нет, голубчик, одной магией тут не поможешь.

К тому же мне требуется время, чтобы создать артефакт, отладить его и зарядить. Всё, что я сейчас могу дать Хольду, – это хороший совет.

Я взяла листок бумаги с прилавка и начала писать, озвучивая список вслух:

– Итак, простокваша, овсяная каша на воде, отварное мясо, тушёные овощи. Наружно – примочки из коры ивы. У тебя застой желчи. Выкопай корень одуванчика и заваривай его как чай, с ромашкой.

С каждым пунктом лицо молодого человека всё больше вытягивалось.

– А что делать? – развела руками я. – Нужно привести в порядок желудок и кишечник. Запорами мучаешься? Мучаешься, вижу. Попросишь у мамы чернослив – я знаю, вы его в торты добавляете – размачивать и жевать, три-четыре штуки в день. Это тебе в качестве сладкого. Приходи через три дня, я сделаю артефакт. Деньги у тебя есть?

– Роланд сказал, вы взяли с него двадцать серебрушек.

Но... если придётся больше заплатить, я понимаю. Матушка сказала, денег даст. Ей главное, чтобы невестка в доме появилась. А кто на меня такого посмотрит?

Двадцать серебрушек. Маловато с точки зрения эксклюзивного, так сказать, продукта. Но для неопытного артефактора – самое то.

– Решим твою проблему, – успокоила я парня. – Но прежде чем о женитьбе думать, неплохо было бы поучиться.

– Зачем? – пожал плечами Хольд. – Я маме в кондитерской помогать буду. А потом сам дело приму. Матушка меня всему научит, уже почти научила.

– Ну так время не стоит на месте. Управлять делом не так уж и просто, а в Академии этому учат с учётом новых методов.

– И чему меня в Академии научат, чего моя мама не знает? Наш род двести лет на одном месте. Сначала прапрабабка харчевню держала, потом прабабка, потом бабка – кондитерий...

Непробиваемая логика. Но я тут не советчица.

– Вернусь через три дня, – пообещал Хольд. – И... спасибо, – он повертел в руке лист бумаги со списком продуктов. – Я честно всё, как вы сказали, сделаю.

– А? Да-да, – рассеянно отозвалась я.

Мне удалось снова подключить системное видение, и теперь, когда парень немного расслабился, я разглядела, какие мелкие каналы, закупорившись, привели к нарушению рабо-

ты сальных желёз на лице.

Удивительно, но в проблему действительно было вовлечено... сердце, вернее, его проекция. Хольд очень переживал и только усугублял своё состояние гормоном стресса на уровне сердечного сплетения. Когда он ушёл, я быстро зарисовала схему его ауры со всеми повреждениями в блокнот Вельты. Ну наконец-то настоящая работа!

После ухода Хольда я прошлась по лавке, приводя мысли в порядок. И только собиралась проверить Дусю, как колокольчик снова звякнул. Обрадованная (наконец-то клиенты повалили!), я обернулась ко входу и поняла, что этот посетитель – не про деньги.

Вошедший – сутуловатый мужчина лет сорока – воровато рыскал глазами по лавке. Одет он был в грязноватые штаны на подтяжках и несвежую рубашу. В руке мужик мял засаленную кепку, видом своим напоминая скорее попрошайку, чем покупателя. И всё же в одном моменте я ошиблась: тип явился в мою лавку как раз из-за денег.

– Ты эта... Вель, – начал он, удивлённо осматриваясь, – работаешь?

– Да как обычно, – холодно отозвалась я.

Память ничего не подсказала, физиономия гостя была мне незнакома. Но гость явно был с Вельтой на приятельской волне.

– Ты эта... – продолжил он, топчась у двери и бросая осторожные взгляды через плечо – наружу, за витринное стекло.

– Тут как-то по-другому у тебя стало. Дела, видать, идут.
– Потихоньку, – сухо бросила я.

Ничего продуктивного и приятного от этой встречи я не ожидала. Мужик явно пришёл подзанять на опохмел. Но я и в этом ошиблась.

– Ты тогда эта... деньги отдай. Гномий золотой ты мне должна.

Я промолчала, но позволила бровям медленно поползти вверх.

– Гномий золотой? А ты не попутал ли что, любезный?

Гость слегка задёргался и окончательно превратил несчастную кепку в грязный комок.

– Ты мне зубы не заговаривай, – сказал он, снова бросив нервный взгляд на дверь.

Ну-ка, ну-ка. Чего этот тип постоянно высматривает что-то на улице?

Я незаметно создала пару смерчков и пустила их наружу, по бокам лавки, под полками.

Активирована уникальная функция: ветряное зрение. Уровень развития – 19%. Навык нестабилен, поскольку сформирован волей Преемника.

Активирован навык: самостоятельное создание и совершенствование дополнительных функций к уже имеющимся навыкам.

Преемника? Я больше не экстрактор?

Синхронизация души и тела продолжается. Про-

цесс замедлен, поскольку может нанести вред ментальной системе приемника.

Иными словами: душа приживается, но не спешит с полным слиянием.

Ветер принёс мне расплывчатые образы. Но мне и их хватило. Наглого мужика ждали снаружи три типа околосмаргинальной внешности. Ага, команда поддержки, значит.

Я сделала вид, что призадумалась.

– Я-то знаю, что деньги у тебя есть, – кажется, при виде неуверенности на моём лице гость совершил оплошность и позволил себе приободриться. А вот напрасно. – Ты ведь у Эйрина целую кучу деньжищ выиграла. Вот и отдай долг.

– Что-то я не припомню, чтобы я у вас занимала.

– Так ты эта... пьяная была, – выдал тип, вернув наконец многострадальную кепку на голову. – Вот и не помнишь. Покаялась, что вернёшь, а не возвращаешь. Руде Клиngu вернула, стоило ему только намекнуть, а меня как будто эта...

– Игнорирую, – участливо подсказала я.

– Чего? – сбился с мысли мужик.

– Не замечаю. Потому что денег никаких у тебя не занимала. Покажи расписку.

– Так мы без расписок, по-дружески. Какие расписки между друзьями? Руде Клинг только заикнулся, а ты ему сразу деньги. А мне что же? Фигу?

Мне никогда не выяснить, как это работало у Вельты раньше, но Молька предупреждала меня не зря. Прежняя обита-

тельница этого тела, видимо, была из тех любителей спиртного, кто в изменённом состоянии считает всех окружающих друзьями, щедро раскрывая кошелёк. При этом не затрудняя себя вопросом: хватит ли денег ему самому. А если Вельте приходилось занимать, то долги она возвращала по первому требованию, особенно будучи пьяной. Вот такие не поддающиеся дрессировке тараканы в головном и спинном мозгу.

В голову закралось предположение, что приятели Вельте довольно часто пользовались подобной схемой: внушали бедной девушке мысль, что она им должна. Но со мной такое не пройдёт.

Группа поддержки, как сообщили мне ветряной слух и зрение, продолжала ждать снаружи, остерегаясь появляться в зоне видимости. Я постаралась прислушаться к тому, о чём они говорили. На улице, как обычно, было шумно, но несколько фраз, которыми перебрасывались вымогатели, я различила:

– Ну что, Руде, – бросила одна фигура другой, – как думаешь, сработает?

– Со мной сработала, – мерцающий в моём зрении Руде сплюнул на землю.

– Так она тогда наклюкалась под завязку, ну, когда ты якобы долг потребовал. Всё, что было из кошелька, вытрясла, – второй мужик неуверенно хихикнул. – А сейчас типа трезвая. А ты ведь знаешь, какая она злая – когда на выпивку не хватает.

Господи, и как несчастная Вельта при таком окружении умудрилась окончательно не пасть? Это даже хорошо, что в таком молодом возрасте она подурнела и обрюзгла. Будь она помиловиднее, её бы не только на деньги разводили. Но такого не было. Иначе я бы давно уже узнала. Женская репутация хрупка, как весенний цветок. Люди всегда всё знают и при первом же случае рады напомнить.

– Вален будет идиотом, если не вытрясет из неё золотой. Все только и говорят о том, как она заработала на фьордмане.

– Ага, – нервно отозвался собеседник Руде, – и о том, какие у неё сильные руки. И если она этими руками...

Тип нервно подвигал шеей.

– Нам-то что волноваться. Дружков по бутылке уж не тронет, – буркнул Руде.

Видимо, всё время, пока подслушивала разговор, я стояла неподвижно и рассеянно смотрела вдаль. Когда переключила внимание на Валена, его напускная бравада куда-то испарилась. Очевидно, его подружка по бутылке Толстая Вель вела себя как-то... непривычно.

– Вот что я скажу, Вален, – обратилась я к незваному гостю. – Лично я вот что-то не припомню, чтобы брала у тебя деньги.

– Так эта... опохмелиться бы тебе. Может, голова и работает. Давай сбегая.

– Пить я с тобой не буду и тебе не советую, иначе окончательно мозг пропьёшь.

– Чего? – насупившись, отозвался Вален.

– Именно того. Но чтобы разрешить наш спор, давай сделаем так. У меня есть одна приятельница, майстерина из Белого города...

– Белого города? – Вален обернулся на дверь, как поется в песне, с бесприютной тоской.

– Да-да, из вип-района. А у неё имеется прекрасный артефакт истины. Не поверишь – с одного ложного слова заводится. Правду от неправды отличает... фью-ю-ю... – я многозначительно присвистнула, – стоит только рот раскрыть. А моя приятельница-майстерина занимается разрешением вот таких... случаев. Правда, за использование артефакта придётся заплатить. Ну и штраф тоже – за обман и попытку вымогательства. Но тут уж правило такое: кто врёт, я хотела сказать, заблуждается, тот за услугу и платит. А тебе чего бояться? Ты же не врёшь?

Вален дёргано закивал.

– Так я отправлю весточку в Белый город? Пусть майстерина подъедет вместе с артефактом.

Я замолчала, вопросительно глядя на бывшего собутыльника. Тот – бочком-бочком – попятился к двери и снова сдёрнул с головы кепку:

– Слушай, Толстая... Слушай, Вель, я же не настаиваю. Не хочешь отдавать – так не отдавай. Почему бы не простить долг хорошему человеку?

– Как любезно с твоей стороны. Или всё-таки вызовем?

Это недолго, каких-то часа два. До полудня управимся.

– Знаешь, я тут подумал. Не нужно никого звать. А вдруг я что-то попутал?

– Да? А Руде случайно не попутал? Может, его позовём?

– Не надо! – нервно взвыл Вален. – Я вспомнил! Тот долги мне вернула!

– И все остальные? – поинтересовалась я.

– И все остальные! Вернее, ты у меня никогда в долг не брала! Точно попутал я! С другой женщиной тебя перепутал. Тоже... доброй и красивой!

– Ну тогда, – я «мило» улыбнулась, от чего Вален почему-то снова подпрыгнул на месте, – удачи тебе с той другой женщиной. Нужен будет какой-нибудь магический предмет – заходи. Кстати, тебе не нужен артефакт от снов про крыс? Очень полезная в хозяйстве штука. Отдам всего за десять серебрушек. Не нужен? Очень жаль.

Пообещав непременно навеститься, как только ему понадобится моя магия, Вален вылетел за дверь. Я немедленно включила ветряной слух. Интересно было, как вымогатель станет оправдываться перед приятелями.

Но Вален честно и точно изложил содержание нашей беседы и добавил, что Вельта Брандт сама на себя не похожа. Похорошела как-то и будь у Валена такая возможность, он бы не против с ней... Но что с такими подругами в арсенале к этой бабёнке, то есть ко мне, лучше не подкатывать.

За откровенность и правду был слегка побит – это уже в

переулке за колбасной лавкой. Затем троица удалилась в сторону рынка, а я только сейчас заметила, как расширился навык ветра. Вымогателей я потеряла лишь метрах в трёхстах от своей лавки.

На обратном пути «заглянула» в колбасный магазин. Хорошо, что пока у меня не подключился ветряной запах – ассортимент магазинчика и так настолько аппетитно выглядел даже в мерцающем зрении, что у меня потекли слюнки.

Заглянула в блокнот, в котором завела треккер задач, и увидела, что на сегодня у меня запланирована ревизия документов. А вдруг муж оставил мне целое состояние, а я не знаю?

Наведалась к Дусе – котята встретили меня радостным мяуканьем, но на вопрос «А мать где?» ответить не смогли. Или же ответили, но я их не поняла. Дуся где-то бродила, и мне было за нее тревожно. Вайз она или нет – я не знаю толком, какие у нее способности. Уверена, что на любую магическую зверушку найдется магическая сеть или клетка. Немного успокаивал только тот факт, что вайзов трудно подчинить.

Затем я поднялась наверх и опустошила тайник с бумагами. Уселась за стол и начала раскладывать их по стопкам. Большую часть документов занимали счета и расписки, написанные вручную, но с чёткими печатями. Сначала мне показалось, что это у меня в глазах мерцает то синим, то зелёным. Однако, приглядевшись, я убедилась, что печати све-

тятся. Очевидно, в их нанесении использовалась какая-то магия.

Скрепя сердце решила, что перепроверю их завтра. Только бы не оказалось, что лавка заложена или я всё ещё выплачиваю какую-нибудь местную ипотеку.

Документы, касающиеся моего брака и наших с Молькой личностей, лежали отдельно, сложенные очень аккуратно, и не нуждались в сортировке. Первыми мне в руки попались... да, я тоже удивилась... фотографии. Не знала, что в этом мире уже научились фотографировать. Но разгадка была простой. Перевернув первый снимок, я увидела надпись на обороте: «Лавка магических светокопий Герна Фобра, улица Белоликой Девы, напротив театра».

Про театр в Сером городе я пока не слышала. Да и вряд ли он здесь был. Большинство развлечений Бергхайма обеспечивались уличными музыкантами и приезжими лицедеями. Скорее всего, чтобы сделать такую светокопию, нужно было выбраться в Белый город. А ведь неплохо было бы нам с Молькой запечатлеть себя нынешними для будущего. Девчонка так быстро растёт, меняется просто на глазах.

На первой фотографии была Вельта со своим мужем. Они стояли в профиль, держась за руки, на фоне по-детски наивно намалёванной лужайки с павлинами. Вероятно, магический отпечаток первоначально был однородного цвета сепии, но затем его раскрасили. Выглядело это... мило.

Но я подавила вздох разочарования: супруг Вель был

щупленьким лысоватым типом с недобрым взглядом. Юная Вельта, однако, смотрела на него с обожанием. Вот кто меня порадовал – пухленькая, фигуристая шатенка с выразительными глазами. Есть к чему стремиться – как говорится, гены не пропьёшь. Хотя это спорный факт.

На втором фото супруги смотрели в неизвестный аппарат или артефакт, который производил магическую съёмку. Взгляд мужа оставался недовольным, как будто его на эту съёмку загнали. Что привлекло в нём совсем юную Вельту, я не понимала. Если глаза – окна души, то на меня из очей – я снова посмотрела на оборот – герна Тольге Брандта... глядело нечто... холодное.

Ну ладно. Дело былое. Помер так помер.

А вот третий снимок... был семейным: маленькая Вельта, старшая сестра-красавица, мама и папа. Что ж, вот тут многие мои прежние догадки нашли подтверждение.

Глава 6

Сразу стала понятно расстановку сил. Сестра, ослепительная красotka, стояла возле матери. Сходство черт было невероятным. Мама Вель, шатенка с вздернутым подбородком, выглядела практически ровесницей своей дочери, разве что две недовольные складки по сторонам рта выдавали её возраст.

Ну и глаза, конечно. Глаза уставшей разочарованной в жизни женщины. Обвиняющие, укоряющие... Орелла Вельнара Тха-Раг, урожденная фоль Сестейн, как гласила графа «мать» в свидетельстве Вельты.

Корделия унаследовала лицо мамы, но обладала платиновым оттенком волос. И без объяснений было понятно, что это второй брак фравы фоль Сестейн. Молли говорила, что ее мама и бабушка – чистокровные феи. Глядя на магический отпечаток, в этом трудно было усомниться. Только крыльев не хватало. Хотя что я понимаю в феях?

Папа Вель никак не мог быть биологическим отцом Корделии. Это был крупный высокий человек... нет, пожалуй, всё-таки нечеловек, похожий на типа с моей золотой монеты. Грубое лицо с невысоким лбом и приплюснутым носом, широкие бугристые плечи, мускулистые ноги, длинные руки.

Он был одет в тёмно-болотную куртку из добротной на вид шерсти, украшенную кожаными вставками и поясом с

крупной пряжкой, кожаные штаны, массивные башмаки и серые гетры. Его наряд напоминал одежду тирольского охотника. У нас в квартире в Селезнёвском доме стояла на полке фарфоровая статуэтка Мейсенской мануфактуры второй половины девятнадцатого века. Это был альпийский охотник с двумя собаками.

На коленях главы семейства сидела маленькая Вель в изумрудном платье с кружевным воротником, в длинных панталончиках и лаковых туфельках. Она серьезно глядела в «камеру», держа в руках тряпичную куклу.

Подпись к снимку гласила, что сделан он был в 782 году от Принесения Даров. Значит, Вельте на нём было двенадцать. А Корделии вряд ли больше восемнадцати.

Взгляд у сестры, одетой в длинное струящееся платье цвета слоновой кости, был кротким и невинным. Трудно было сказать, выражали ли глаза Корделии её душу. Возможно, она научилась притворяться гораздо лучше своей матери, явно недовольной своей жизнью. Волосы девушки изящными локонами ложились на плечи, тонкие пальцы держали флейту. Теперь я поняла, почему внешность Молли всегда казалась мне странной – ее мать была немного похожа на принцессу из сериала в жанре санься(*).

Через пять лет родится Молька, а ещё через два года девочку отдадут мне. Как же быстро добилась всего моя сестричка. Выскочила замуж, родила, начала делать карьеру и избавилась от ребёнка, который ей мешал. А сейчас сестрица

снова замужем. Да еще задерживает содержание для дочери.

К Мольке в свидетельство о рождении я уже заглядывала, когда ждала комиссию. Но решила изучить его ещё раз. В графе отец стояло: представитель рода Аалейрейн. Меня ещё тогда удивило, что имя мужа Корделии отсутствовало. Или же она так и не узаконила свои отношения и Молька была незаконнорождённой? Другой вариант: у эльфов свои правила, не подчиняющиеся законам простых смертных.

Ясно было только одно: Вель была папиной дочкой. Корделия была любимицей матери. Вся любовь нашей мамы досталась моей сестре. Я, то есть Вельта, получала лишь холод и равнодушие.

Возможно, также сыграл тот факт, что Вель унаследовала отцовскую внешность. Трудно каждый день видеть копию того, от кого зависишь и кого совсем не любишь. А своего второго мужа Орелла явно далеко не обожала. Обрывки памяти Вель свидетельствовали об этом лучше всяких документов. В них присутствовала обида и те комплексы, которые обычно зарождаются у девочек, когда их не слишком любят.

Я занялась другими бумагами. Дарственная на дом на моё имя, подписанная господином Тха-Рагом из Клана Восточных караванщиков. Заверенная нотариусом и с магической печатью. Уф, здесь всё нормально. Никаких закладных и просроченных выплат. Счета за воду, услуги золотарей, вывоз мусора – все оплачены. Акт о межевании земли, схема прилагается. Внезапно – разрешение на содержание живот-

ных. Очень кстати. Правда, тут скорее имеется в виду какой-нибудь осёл или хорёк.

Хм, свидетельство о смерти мужа, выданное корпусом стражей четыре года назад. Письмо в грубо надорванном конверте, которое я внимательно прочитала:

Корпус стражей Серого города

Бергхайм, четвёртый день весны года семьсот девяностого от Принесения Даров

Госпоже Вельтеции Брандт

улица Девятихвостых лис, лавка артефактов

Уважаемая госпожа Брандт!

С глубочайшим прискорбием и чувством невосполнимой утраты сообщаем вам, что герн Тольге Брандт пал смертью храбрых при исполнении добровольного долга перед городом Бергхаймом.

Как Вам известно, герн Брандт обратился в Ратушу с прошением вступить в отряд добровольцев для устранения угрозы, исходившей от дракона, обосновавшегося в пещерах Западного кряжа. Несмотря на все предостережения и очевидную опасность предприятия, Ваш супруг проявил исключительное мужество и твёрдость духа, приняв этот вызов.

Отряд добровольцев достиг логова чудовища. В ходе последовавшей схватки герн Брандт, прикрывая отступление своих товарищей, вступил в единоборство с драконом. Согласно свидетельствам выживших, он сражался до последнего и пал, но дал остальным драконоборцам возможность спастись.

Обугленное тело герна Брандта было обнаружено близ входа в пещеру и опознано по личным вещам.

От имени бургомистра, Городского совета и всего Корпуса стражей приношу Вам наши самые искренние и глубокие соболезнования. Бергхайм никогда не забудет жертву, принесённую Вашим супругом. Его имя будет внесено в Книгу Памяти защитников города.

В знак признания заслуг герна Брандта и в качестве поддержки его семьи, Городская Ратуша постановила выплатить Вам единовременное пособие в размере ста (100) золотых.

Для получения средств Вам необходимо явиться в казначейство Ратуши с настоящим письмом и документом, удостоверяющим личность.

Примите ещё раз мои личные соболезнования.

С уважением,

Капитан Курц Вахтер

Начальник Корпуса стражей Серого города

– Ничего себе! Эй, Проводник, ты ничего об этом не слышал? – ошарашенно проговорила я.

Проводнику, как вы изволили меня именовать, недоступна информация о Вельте Брандт до экстракции и переносе душ. Эргрегор не является энциклопедией или справочной. В его обязанности не входит ориентация объекта в мире Структурной магии, только забота о благополучном вживлении души, обретении места в обществе и профессиональном соответствии подключенных к Древу членов микрокосма.

– Ой, всё! Зануда. Но, признайся, иногда ты мне помогаешь от себя, а не от Эргрегора.

Проводник промолчал.

Некоторые участки письма были размыты, и я скорее догадывалась, какой очередной канцелярский оборот содержит та или иная строка. Очевидно, Вель Брандт горько рыдала, получив похоронку. Но какого чёрта?! Тольге Брандт – драконоборец? И что это за история с убиением дракона? Они точно говорят о том Брандте, которого я видела на снимке?

Чем вообще занимался муж Вель? Вроде как лавкой артефактов своей супруги. Мои предположения подтвердили несколько накладных на глину из карьера вблизи озера Солёного и партию необработанных опалов. Оба документа были подписаны Тольге. Ах, вот и расписка, которая подтверждает, что огранщик получил оплату – на имя герна Брандта.

Значит, мой муж действительно был администратором, а я своего рода ремесленником. Вполне, как я считаю, удобное распределение обязанностей. И что внезапно сподвигло делового в принципе человека, бизнесмена, женатого пусть и на не слишком красивой, но довольно симпатичной девице, вступить в отряд добровольцев?

Вот так проснулся утром и решил совершить подвиг? Или это было для него обыденным делом? «Каждый день с восьми до десяти утра – подвиг».

Что-то решительно не сходилась. Надеюсь, мне поможет Курт. Ведь он должен помнить мужа своей давней подруги.

Затем я прочитала переписку Вель и её отца. Даже прослезилась, вспомнив отношения с моим родным папой. Надо же, реши Валентина Измайлова и Вельта Брандт поболтать за чашкой чая, у них точно нашлись бы общие темы для разговора. Моя мать была холодной равнодушной красоткой, а отец всю жизнь любил её, так и не добившись ответного чувства. И старшая сестра, любимица матери, у меня тоже имела. А папа до последних дней оставался единственным человеком, к которому я всегда могла обратиться за советом

и поддержкой.

Но это все лирика. Лучше подведём итоги: Вель Брандт, в девичестве Вель Тха-Раг, владела лавкой и домом на совершенно законных основаниях. Её муж погиб четыре года назад в странной и пока непонятной мне авантюре. Его гибель мне стоит изучить подробнее, чтобы в дальнейшем судьба не преподнесла мне какой-нибудь неприятный сюрприз.

Также требуется разобраться с происхождением Мольки. Возвращать сестре-мотыльку ребёнка я не собираюсь, у девочки и так травмирована психика. От денег на ее содержание откажусь, нужно только составить письмо.

Похоже, и отцу Молли совершенно на неё наплевать, но чем чёрт не шутит: вдруг однажды на него нападёт желание воссоединиться с родным чадом.

Интересно, нужно ли мне навещать семью или семье меня? Когда мы последний раз виделись? В папке я не нашла ни одной записки от матери. Разругались вдрызг и решили больше не общаться – так всё это выглядело. Но Молли сказала, что бабушка присылала ей письмо, в котором сообщала о новом замужестве Корделии. Этот момент тоже следовало прояснить.

Я невольно вновь обратила свой взгляд на студийный снимок Вельты и Тольге на фоне павлинов. Как ни странно, качество снимка было великолепным. Можно было разглядеть каждый завиток в причёске у Вельты и недовольную морщинку на лице Тольге. Кое-что привлекло моё внимание –

некий натюрморт за спиной мужа.

Вещи, выставленные на небрежно прикрытый тканью столик, я тоже разглядела все. Вероятно, это была демонстрация семейных ценностей. Я слышала, что в России это тоже было принято в конце девятнадцатого века – приносить с собой на фотосессию самые дорогие и памятные предметы.

На магическом снимке это были артефакт Тифенгрунт и какая-то внушительного вида книга, похожая на старинный гримуар. Было понятно, что она очень стара и очень ценна. Но такого предмета в доме Вельте я не обнаружила, хотя изучила практически всё. Возможно, наверху или в лавке имелся ещё какой-то тайник. Но память, как всегда, равнодушно молчала.

Я сидела и вглядывалась в черты Тольге. Нет, ни за что не поверю, что такой человек отправился бы убивать дракона. Скорее всего, нанял бы кого-то вместо себя. Или же та авантюра, ставшая для герна Брандта роковой, была лишь прикрытием.

Я не услышала шагов на лестнице, лишь всхлип. Обернулась и увидела, с каким ужасом Молли смотрит на снимок в моих руках. Не успела ничего сказать, лишь удивившись такому раннему возвращению из школы, потому что Молька внезапно взвыла:

– Нет, тётушка Вель! Прошу, только не это! Только не снова!

(*)В переводе с китайского *сянься* означает «бессмертный герой». Это поджанр фэнтези, в основе которого лежат даосизм, буддизм и китайская мифология. Поэтому в мире сянься полно богов, бессмертных, демонов, духов, магии и эпических битв. В этом мире принцессы часто выступают в роли не просто пассивных героинь, а активных участниц событий: они могут быть воительницами, небожителями или демонами, бороться за свое право на любовь или сражаться за свой народ

Молька застыла на пороге моей спальни, вцепившись в дверной косяк побелевшими пальцами. Её огромные глаза смотрели на снимок в моей руке, будто из него могло выскочить живое чудовище. Мне даже показалось, что я слышу, как отчаянно колотится её маленькое сердце.

– Ну зачем, ну зачем? – голос Мольки сорвался на звенящий шёпот. А потом она попятилась, и я даже испугалась, что ребёнок свалится с лестницы.

– Молька, милая, что случилось?

– Ты опять, опять, – простонал ребёнок. – Ты вернулась!

– Вернулась? Я никуда не уходила. Ты же знаешь, я помню далеко не всё, и...

– Тётя? – Молька внезапно застыла, хлопая глазами. – Так это ты? Ты не ушла? Ты новая Тётушка Вель?

– Новая, новая, – несколько раз повторила я, стараясь говорить ровно, обыденно. Ничто так не успокаивает, как обы-

денность. – Вот сижу, изучаю семейную хронику. А ты чего расшумелась? – я протянула руку: – Иди сюда. Расскажи, что было в школе. Почему ты пришла так рано?

– Фраваина Ромм заболела, – заученно отчиталась Молька, рефлексивно шагая ближе... ближе. Еще шаг, и еще.

Всматривается мне в лицо и наконец облегченно выдыхает.

– Бедная фраваина Ромм, – покачала головой я. – А что ещё случилось? Тебя не обижали? Ты хорошо себя чувствуешь? Мальчишки-хулиганы тебя не дразнили? Скоро придет Мильхе...

Молька рухнула в мои объятия как подрубленная. Сначала она молчала, уткнувшись лицом в плечо. Плечи её вздрагивали, а потом из горла вырвался всхлип.

– Я думала, ты ушла. Я думала... Ты так на него смотрела! Так смотрела!

– На герна Брандта?

– Да. Когда ты так на него смотрела, ты всегда потом...

– Срывалась?

– Да, – девочка разрыдалась, обхватив мою шею тонкими руками, цепляясь за меня как за якорь в бушующем море.

– Расскажи, – тихо попросила я. – Теперь можно рассказать. Ты сама поняла, что я не твоя тётя. Так случилось, что она ушла, а я пришла вместо неё. Я этого не хотела... Не хотела, чтобы она уходила, и не знаю, где она сейчас.

– А ты мне расскажешь? Откуда ты пришла и какая ты там

была? Ты жила в городе?

– Да.

– Большом?

– Очень.

– Как хочется услышать!

– Обязательно все тебе расскажу. Но сначала ты. Извини, что заставляю вспоминать, но мне нужно знать. Я должна, понимаешь?

– Не знаю. Это не страшно, я расскажу.

Молька внезапно успокоилась. Моё «лекарство» – спокойный тон и нарочито удивленный вид, мол, всё же хорошо, зачем тревожиться, – сработало. Снимок я положила на стол медленным, равнодушным движением. Заметила, что Молька старается туда не смотреть. Положила папку поверх светокпии, прикрыв лица Вельты и Тольге.

Каждый раз, когда Вельта доставала магические отпечатки, происходил... маленький домашний апокалипсис. Что являлось триггером, я не поняла. Полнолуние? ПМС?

Сначала наступала тишина. Она переходила в тягостное напряжение, которое расползлось по дому. Молька чувствовала его даже в своей комнате. Иногда она убегала на улицу, иногда пряталась в сарае.

В холод забиралась в кладовку, но это было опасным местом – там тётя могла найти Мольку и наказать. За что? Просто за то, что она была.

Вельта сидела, вглядывалась в лица на снимках, водила

пальцем по контурам. А потом... потом она доставала бутылку. Доставала, откупоривала и больше не видела никого вокруг. Хорошо, если у неё имелся запас наливки. Потому что в противном случае Мольке приходилось бежать за выпивкой. Иногда без денег, полагаясь только на жалость трактирщиков и продавцов пошла. Ей обычно давали в долг, зная, что Толстая Вель непременно его вернет. Но если Молли задерживалась, Вельта могла... да, ударить. Отвесить подзатыльник, от которого долго болела голова.

Я снова скрипела зубами. Если бы можно было стереть из памяти Молли облик прежней Вель!

Но Молька помнила все хорошо. Помнила ночи, когда тётя в обнимку с бутылкой рыдала в своей спальне, будто бы хоронила весь мир. И от этого надрывного воя стискивало грудь. Это было больно, и несколько часов после этого Молька даже не могла глотать. Она сидела в кладовке, молясь только о том, чтобы эти стенания прекратились.

– Иногда я думала... думала, что будет лучше, если она умрёт. Мечтала, что из леса придёт чудовище и сожрёт её. Или прилетит дракон и сожжёт в своём пламени. Это плохо, да?

– Это нормально, – вздохнула я. – Никто не может бесконечно терпеть страх и угнетение, особенно ребёнок.

Потом наступало забытьё. Вельта падала в кровать и засыпала. Молька тихонечко выбиралась из своего убежища. Это было самое тихое и мирное время. Можно было постирать

платье, заплести косички и пойти в школу, а не выслушивать причитания о том, что племянница свою тётю не любит, не ценит и объедает. Можно было съесть булочку от фрау Шмидт или поджарить яичницу. Пойти к Курту и немного с ним поиграть. Лисбет всегда ее кормила, если у них дома было что поесть. В общем, жизнь на время входила в тихое русло.

И тогда тётю становилось жалко. Молька корила себя за подлые мысли. Готовилась к пробуждению Вельты: снова бежала за выпивкой, чтобы, очнувшись, тётушка не обрушила на неё свой похмельный гнев.

– Ты ни в чём не виновата, – сказала я твёрдо. – Ты спасала свою жизнь.

– Но ведь она же действительно... умерла. Получается, что там, на Небесах, выполнили моё желание. Забрали ее.

– Твоё желание совершенно не при чём, – объяснила я. – Твоя тётя в последние годы разрушала себя: здоровье, разум, нормальные человеческие чувства, – я гладила Мольку по спине, чувствуя, как успокаивается дыхание девочки, как выравнивается стук её сердца. – То, что случилось, – трагедия. Она просто не справилась. Понимаешь, она как бы сломалась. Но у неё был выбор. И она предпочла... окончательно себя разрушить.

– Я написала письмо бабушке. Когда стало совсем плохо. И она ответила, что приедет и заберёт меня. К маме. Но бабушка не приехала. Может, письмо не дошло?

– Да, видимо, потерялось в дороге.

– Я так и думала, – тяжело вздохнул ребёнок. – Нужно было покупать марку за полсеребрушки, но тогда денег у нас не было, и я наклеила марок всего на десять медяков. Не хватило, наверное.

Я поцеловала Мольку в макушку. Я держалась, старалась держаться. Но слёзы сами проложили дорожки по щекам. Чёртова родня! Ну что вы за люди такие... феи, эльфы?!

– Ты не уйдёшь? Точно не уйдёшь? – Молька отстранилась и посмотрела мне прямо в глаза. Хорошо, что я успела вытереть щёки.

– Я говорила, что не уйду, и повторю это снова. Не могу обещать, что буду всегда рядом, жизнь... она очень сложная. Но постараюсь сделать всё, чтобы ты была счастлива.

– Почему? Зачем я тебе? Почему ты так ко мне добра? Ты ведь не обязана обо мне заботиться.

Я прокашлялась – снова сжало горло – и хмыкнула:

– Просто увидела маленькую худенькую девочку и решила немного её откормить. Терпеть не могу, когда дети худые и запуганные. Всегда стараюсь это исправить.

Молька внезапно хихикнула:

– Ты ведь шутишь, да? Наверное, там, где ты жила раньше, у тебя не было деток. И ты захотела себе дочку.

– Так оно и было, – серьёзно подтвердила я. – А к тому же я оказалась в теле твоей тётушки и поняла, что обязана ей продолжением своего существования. Значит, всё то, что

было её, стало моим. И ты тоже стала моей племянницей. Или дочкой. Но дочкой это... неправильно. У тебя есть мама.

— Она фея и она очень красивая, — глаза Мольки заволочло мечтательной дымкой. — Просто она очень занята. Ей нужно много работать, чтобы присылать тебе деньги. Ей пришлось влюбиться в себя нового мужа, потому что без мужа женщине очень тяжело. А мужа влюбить мало, нужно быть для него шикарной и всё время его очаровывать. Но когда мама покорит театр Кайзерины Элизабет, она возьмёт все деньги и переедет ко мне, чтобы купить здесь дом и жить рядом. Так она говорила. Так бабушка говорила... Она мне только одно письмо написала. Я всё время думала, почему только одно письмо. Наверное, в лесах, где едет почтовая карета, много разбойников. Они нападают на почтальонов и забирают у них всю почту. Ведь в некоторых письмах лежат монетки.

Я усердно кивала. Ребёнок придумал оправдание для всех. Бабушка не ответила на письмо, потому что оно не дошло. Мама не приезжает, потому что хочет встать на ноги. Тётушка издевается, потому что несчастна.

Я не стала клясться, что огражу Мольку от всех несчастий. В любом мире обещания пусты, если их не подкреплять делами. Просто сидела и баюкала Молли на коленях, пока та не заснула. Отнесла мелкую в её комнату, раздела и уложила в кровать. Коснулась губами лба. Молька была горячей. Вероятно, это были последствия её плача. У детей часто поднимается температура из-за волнения и беспокойства.

Сама вернулась в свою комнату и села на кровать. Много стало понятным. Вельта действительно сломалась. Думаю, муж играл в её жизни главную роль. Есть такие женщины – они растворяются в своих супругах, но если те их покидают или предают (у меня были некоторые подозрения по поводу обгоревшего трупа и пропавшего гримуара) – не находят для себя нового места в жизни.

Никогда такой не была. Это было моей силой. Я многих теряла, особенно ближе к закату жизни. Уход Димы потряс меня сильнее всего, только смерть отца могла сравниться с этим горем. Я переживала долго и тяжело. Но жизнь продолжалась. В конце концов мой муж верил в перерождение душ, в карму и совершенствование духа, часто повторяя, что иначе ничто во Вселенной не имело бы смысла.

Бренцы обещали прийти ближе к вечеру и привезти Мильхе. Но пока их не было, у меня имелось немного времени. Я раскрыла блокнот и написала список:

Мама. Папа. Сестра. Отец Мольки... как его там... высокородный эльф. Дракон.

Напротив каждого написала всё, что знаю на данный момент.

Самой загадочной фигурой оставался, конечно, дракон. Что это? Реальный зверь с огненным дыханием, которому скармливают девственниц? Символ? Например, какой-то артефакт, охраняющий сокровище? Но зачем держать сокровища в пещере, если есть банки? Оборотень? Просто долж-

ность?

Задумчиво полистав страницы блокнота, я нашла клочок бумаги, на который скупщик герн Птусс перенёс рисунок ключа, якобы от драконьей пещеры. Впрочем, относился он к ключу вполне серьезно.

– *Вот. Ключ от пещеры дракона. Видел бы его наш бургомистр... хи-хи...*

– *Дракона?*

– *Ну да, нашего кровожадного ящера, будь он трижды убит молнией.*

Ключ тоже символ или реально существующая вещь? Надо разобраться.

Глава 7

Проверила Мольку – жар немного спал, но в глубине души я продолжала тревожиться. Неужели стресс был таким сильным? С другой стороны, а каким ещё ему быть после стольких страданий, перенесённых ребёнком?

Прикрыв дверь детской, я спустилась в лавку. Там было тихо – ни покупателей, ни вымогателей. Пожалуй, пока двух посетителей в день мне вполне достаточно, решила я.

Уже хотела заняться обедом, когда дверь распахнулась и на пороге появился Курт. Он сиял, как начищенный медный таз, а перед ним в коляске катился чем-то очень довольный Мильхе.

При одном взгляде на Малыша Муху на сердце у меня потеплело. Мальчик выглядел... иначе. Когда я видела его в прошлый раз, он был бледным, почти прозрачным, с синевой под глазами и запавшими щеками. Теперь на его лице играл лёгкий румянец.

До идеала, правда, было далеко. Лисбет и Курт, конечно, много гуляли с Мильхе у реки, но по-настоящему здоровым ребёнок будет выглядеть только когда начнёт есть с аппетитом.

Вот бы мне научиться определять, чего не хватает в том или ином организме. Уровень гемоглобина, например, или витамина D.

Запрос получен. В запросе отказано. Для выполнения запроса требуется: получить статус Лекарь.

Да, я сама знаю, что слишком уж многого прошу. И понимаю, что чтобы стать лекарем, нужно долго учиться. Моих медицинских земных знаний не так много. Я просто много смотрела разные ролики, популяризирующие науку.

– Тётушка Вельта! – Мильхе помахал мне рукой.

– Привет, боец, – я улыбнулась в ответ.

Артефакт на его поясе работал исправно. Я проверила его взглядом, подключив системное видение. Убедилась, что энергия в «бублике» циркулирует ровно, нигде не прерывается. Вита с момента зарядки оставалось примерно двадцать процентов. Но видела я только крупные каналы в теле.

– Эй, Мильхе, – сказала я. – Ты сегодня прямо красавец. Как себя чувствуешь?

Мальчик с восторгом заявил, что чувствует себя прекрасно и снова помогал маме на кухне, но его лицо внезапно исказила лёгкая гримаса. Он дёрнул ногой, словно отгоняя муху.

– Что-то не так? – спросила я, наклоняясь.

– Ноги... – Мильхе поморщился. – Меня как будто колят... Ну, легко так. Как иголочками. Сначала было даже приятно, а сейчас их слишком много, – мальчик нервно повёл плечами. – Не могу понять, больно мне или нет. И как будто пальцы на ногах немеют.

– Он с утра жалуется на эти иголки, – встревоженно под-

хватил Бренц. — Я вот что подумал: а что, если это знак? Ну... ноги начинают чувствовать.

Я посмотрела на Курта. Его лицо выражало мольбу, но мне не хотелось слишком его обнадёживать.

— А ведь вполне может быть. Я осмотрю его? — сказала я.

— Конечно, — кивнул Бренц. — Ты только скажи, что делать.

— Подними его, держи так, чтобы он опирался на ноги.

Мильхе, если устанешь, сразу скажи. Не терпи.

Курт осторожно поднял сына из коляски, придерживая его под мышки. Мильхе оперся на ноги, и я увидела, как дрогнули его колени. Я сосредоточилась. Эх, как же мало я ещё вижу! Не то чтобы намекаю...

Эгрегор отозвался мгновенно:

Зафиксирован запрос на усиление системного видения.

Я ожидала услышать, что в запросе отказано, но проводник продолжил:

Прогресс навыка: плюс 5%. Доступно расширенное видение тонкого тела: тонкие каналы и разветвления.

Как всегда кстати. В прошлый раз, когда я использовала системное видение, я могла охватить только общую картину: истощённые каналы, пустоты и разрывы. Теперь я видела больше. Гораздо больше.

Я смотрела на нижнюю половину тела мальчика, и передо мной разворачивалась сложная сеть энергетических каналов. Тонкие и гибкие, они пронизывали мышцы и кости. Я

воочию наблюдала, как энергия из артефакта медленно просачивается в эти каналы, заполняя их, но не до конца.

К счастью, я также ощущала, как расширяется системное видение, как оно становится более объёмным и сложным. Появились участки разной плотности: от хрустально прозрачных до мутных. Кое-где каналы были сужены, в других местах перекрыты, а где-то они, наоборот, расширялись, пытаясь пропустить больше энергии. По пульсации было понятно, насколько они сужены. Большая часть работала примерно на пятую часть мощности.

Они пульсировали слабо, но ритмично. Словно пытались открыться, но что-то мешало им работать на полную силу.

– Мильхе, – сказала я, не отрывая взгляда от ног ребёнка.
– Где ты чувствуешь больше всего покалывания?

– Вот здесь, – мальчик указал на бедро справа, – и внизу, ниже колена сзади, там где...

– Икры, – подсказала я.

– Да.

Всё сходилось. В этих местах каналы расширились больше всего. Возникал вопрос: смогу ли я как-то проработать остальные участки, чтобы ускорить процесс, или стоит подождать? У-у-у! Как же сложно без нормальных знаний!

– Вижу, что каналы, которые были закрыты, начинают открываться, – пояснила я, обращаясь к Курту. – Когда я впервые осматривала Мильхе, видела только серые и мёртвые участки.

– Ты... видела? Прямо так, глазами? – странным тоном уточнил Курт, усаживая сына обратно в кресло.

– Ну да.

До сих пор свои способности я не афишировала. Но родители мальчика должны знать, каким образом я его лечу, а не слепо мне доверять. Однако полностью раскрываться тоже не стоит. Я пока не знаю, существует ли в этом мире инквизиция. Где заканчивается магия и начинается запретное колдовство. Вдруг я переступаю за грань?

– Курт, – снисходительно улыбнулась я. – Я ведь артефакторша. Есть у меня один магический приёмчик, который позволяет заглянуть дальше, чем это доступно другим магам.

– Но ты никогда... никогда прежде так не делала.

– Не хватало уровня знаний. Но за последнее время я открыла для себя много нового. Прости. Раньше я действительно не могла бы помочь твоему сыну. Но вот стукнулась головой о пол и осознала, что внезапно смертна. Что нельзя упускать время и возможности. Однако мне бы ещё поучиться. Найти бы хорошего наставника.

– О боги! – Курт закрыл лицо рукой – она дрожала. – Никто больше на такое не способен! Никто! Я уверен! Разве что... майстерина Шмидт, но она всё меньше общается с людьми. Заперлась в своей избушке, никого не хочет видеть.

– Майстерина Шмидт? – наострила уши я. – Родственница Аниты?

Имя знакомое, кажется, его в нашем первом разговоре называла Молька. Взмолнованный Курт не заметил моего странного интереса.

– Её двоюродная тётя. Майстерина Шмидт обладает даром видеть магию. В семь лет её забрали в Белый город. Но через сорок лет она вернулась в старый дом её бабушки-ведуньи. С тех пор там и живет. Но ты же её помнишь, год назад она спасла Мольку от удушья.

– Конечно помню, – кивнула я. – Просто уточняла, та ли это майстерина Шмидт.

Бренц снова не придал значения моим глупым оправданиям. Он присел на колени перед сыном и трогательно-неловко и нежно погладил того по голове:

– Теперь всё будет хорошо, понимаешь? – сказал он. – Всё будет хорошо.

Мильхе кивнул и робко поинтересовался:

– А ты сделаешь кораблик для нас с Молли?

– Конечно сделаю. Я же обещал. Вот только закончу с работой у Вельты.

– Сегодня ничего делать не надо, – поспешно проговорила я, подумав о Дусе. – Мне нужно зарядить артефакт, а для этого нужна твоя помощь. Оставайся с Мильхе и позови меня, если ему станет хуже. Мильхе, постарайся повнимательнее прислушаться к тому, что ты чувствуешь. На какое-то время ты останешься без артефакта. Не думаю, что это как-то тебе повредит, но бережёного боги берегут.

– Хорошо, – хором ответили Бренц-старший и Бренц-младший.

Я ушла в мастерскую и разложила все необходимые предметы на столе: иглу, свечу для её прокаливания, кусочки копии и найденный на полке сок чистотела, чтобы прижечь ранку.

Обычная зарядка артефакта – это заливка топлива. Вита или крови. Но есть схема «джна». Это как если бы создать вечный двигатель с бесконечным истоком энергии. Профессор Варга описал её как одновременное использование пяти элементов, где:

Земля – это основа (глина, металл, камень).

Вода делает из глины пластичную массу и заодно проводит дополнительный элемент.

Огонь – это обжиг, закрепление свойств и формы. Элемент огня выжигает всё мёртвое и токсичное.

Эфир несёт информацию: предназначение, сила, желаемые дополнительные свойства.

Воздух «вносит» информацию в артефакт, но также делает заготовку более восприимчивой, «воздушной», проницаемой.

Пока полная схема «джна» мне недоступна. По сути, она недоступна никому, если он не эрцмаг. Полагаю, что и остальные мои навыки работы с элементами далеки от совершенства.

– Что нужно, чтобы получить навык эфирного знания?

Чаще применяйте имеющиеся навыки: системное видение, ветряное зрение, ветряной слух. Необходимое условие: каждый из навыков должен быть прокачан до 80-100 %.

Прогресс эфирного навыка:

Эфирный слух

Эфирное зрение

Подключение к эгрегору + 15 %.

Подключение к базе данных эгрегора + 10 %.

Ну что ж, я привыкла. Без испытаний нет и результатов.

Капля крови, дыхание, свечение Лунной вязи – и вот мой артефакт заряжен. В голову всё равно лезет мысль: что я смогу делать, когда освою управление эфиром? Но проводник молчит.

Я чувствую, как падает уровень моего вита. К Курту возвращаюсь немного пошатываясь. Тот, уловив моё состояние, дожидается, когда я закреплю артефакт, и быстро собирается домой.

Мальчик разочарован – он хотел поиграть с Молли, но мелкая до сих пор спит. Впрочем, Курт увлекает сына разговорами о деревянном кораблике, и ребёнок отвлекается и оживляется. Бренц обещает, что с сегодняшнего дня разрешит Мильхе помогать ему в мастерской.

– Ты вернулся в мастерскую? – спрашиваю я осторожно, провожая гостей.

Хочу добраться наконец до колбасной лавки, раз уж на

приготовление обеда я сегодня не способна. Придется учитывать в дальнейшем, что резерв не бесконечен.

– Ну... так, – пожав плечами, отвечает Бренц, – скорее пока только пытаюсь. Руки ещё не очень слушаются. Мне приходится завтра?

– Нет, не нужно. Отдохни. Проведи время с сыном. Если переживаешь о деньгах, то не нужно – я заплачу тебе и за сегодня, и за вчера.

– Эх, Вельта, – вздыхает Курт. – Ты-то заплатишь, я знаю. А вот как отплачу тебе я?

– Возвращением к нормальной жизни, – очень серьёзно заверяю я приятеля. – Мне больше ничего не надо. Лишь бы всё было как сейчас. Нет, лучше. Чтобы Мильхе был жив и здоров. Чтобы я поняла, как убрать проклятие. Чтобы Лисбет никогда больше не плакала, а у тебя появилось дело всей жизни.

– Ты слишком на меня надеешься, – ворчит Курт. – Я не так в себе уверен, как ты.

– Уверенность в себе тоже одно из моих условий. Ты уже доказал, что можешь держаться.

– Да. Ради сына, ради Лисбет.

– Только не забывай о себе самом.

У колбасной лавки мы попрощались.

Внутри магазинчика меня встретила такая волна ароматов, что перехватило дыхание и заурчало в животе. Копчёный окорок, пряный шпик, свежая буженина, сыровяленая

вепрятина, ягнёнок, замоченный в пряном соусе... У меня разбежались глаза, а рот наполнился слюной.

В углу грохотал аппарат для набивки колбас. Его ручку крутил дюжий детина, помощник владельца лавки. Ещё недавно машины в магазине я не видела, и было заметно по лицу герна Эдера, что новинка ему страшно нравится. И не только ему. В очереди к аппарату собралась целая толпа.

Из машины выходили аккуратные розовые колбаски. Попасть на витрину они не успевали – их тут же разбирали. Можно было попросить пожирнее или попостнее, выбрать мясо: свинину, говядину, крольчатину, ягнёнка или курицу.

Я заняла место в конце очереди, заодно рассматривая ассортимент на витрине. Ведь собиралась же подкупить копчёного мяса на всякий пожарный случай.

Выбор был огромным. Сосиски, сардельки, копчёные рёбрышки, паштеты в глиняных горшочках, домашний шпик в перце или травах. Сердце радовалось, кошелек грозил опасность опустеть. Я решила, что возьму свежих колбасок из аппарата, с чесноком и чёрным перцем. А про запас подкуплю копчёной курицы, окорока и сосисок. Часть свежих колбасок заморожу – теперь у меня есть такая возможность. Хорошо бы всё-таки заработать на прыщах Хольда. Ничего личного, только деньги. Но их не будет без результата.

Какая-то мысль внезапно промелькнула в голове. Я постаралась поймать её за хвост. Точно! Мелкие периферийные каналы! Теперь я могу их увидеть. Возможно, новый на-

вык поможет мне понять причину воспаления сальных желез подростка и как-то его устранить.

– Вельта! – меня окликнули из очереди.

Я обернулась. Анита Шмидт стояла чуть позади. Воспользовавшись удачей, она громко заявила, что ей занимали и перебралась поближе.

– И ты за колбасками? В городе говорят, что у герна Эдера теперь самая лучшая машина.

– Даже не сомневаюсь, – кивнула я. – Сарафанное радио не обманывает.

Мы немного поболтали о погоде, о делах и о детях.

– Хочу прикупить колбасок для пикника, пожарим их на костре на праздник, – сказала Анита.

– Праздник?

– День Великой Луны! Ну ты даёшь, подруга, совсем заработалась!

Я быстро закивала: да-да, так занята, что забыла о торжестве у реки. Анита шутливо-осуждающе покачала головой: дескать, работа работой, но и о развлечениях забывать не стоит.

– Впрочем, – добавила она, подумав, – у тебя свой личный викинг имеется. Захочешь – каждый день будет праздником.

– Эйрин не мой.

– Ну да, ну да. Что-то никого, кроме тебя, он на свой корабль не приглашал. И вообще ты явно в его вкусе. Фьордманы любят таких... крепких и сильных женщин. Но в по-

следнее время ты явно схуднула, дорогая.

– Это потому что кое-кто печет мне льняной хлеб, – я была рада перевести тему. – Как ты догадалась?

– У меня дар, небольшой, но ценный для профессии. Иногда я знаю, какой хлеб нужен человеку в этот момент: пушистый белый или чёрный липковатый, с семечками, проросшими зёрнами или сладким изюмом... всякий.

– Отличный дар! – с чувством сказала я.

Но кроме хлеба меня интересовало ещё кое-что:

– Как поживает майстерина Шмидт? – начала я осторожно. – Всё ещё живёт в лесу?

Лицо Аниты чуть помрачнело, но она кивнула.

– Тётя Грета. Да, она действительно обитает в старой избушке в Западном лесу. Туда даже дороги нормальной нет – только звериная тропа. В городе не появляется, никого к себе не пускает. Собственно, городские её почти забыли, помнят только старожилы. Получилось, что последним пациентом, которого она пользовала, была твоя Молька.

– Я помню, – кивнула я, хотя ничего не помнила. – Послушай, я зайду к тебе вечером? Есть один разговор.

Анита сказала, что будет очень рада меня видеть. Подошла моя очередь, и я немного растерялась. В конце концов, попросила два круга колбасы: один с бараниной, а другой с курицей и кроликом. От добавления специй отказалась, зная, что стоимость колбасок сразу взлетит до небес.

Обеспечив себя обедом и попрощавшись с Анитой, я от-

правилась домой.

Молька уже проснулась. Она ждала меня на кушетке в лавке, завернувшись в одеяло. Её знобило.

– Сапожник без сапог, – сказала я, имея в виду своё системное видение. – Так, юная фрави́на. Садитесь сюда, сейчас узнаем, от чего у вас температура. Но если я выясню, что ты съела слишком много мороженого...

Я строго погрозила мелкой пальцем. Та, по обыкновению, захихикала:

– Только одно маленькое. Меня угостила Лиззи.

– Та девочка, папа которой купил ей живую куклу?

– Да. Почему-то сейчас все девочки хотят со мной дружить. Всем нравится моё платье, сумка, туфельки и заколки, особенно мои косички. Но Лиззи и раньше относилась ко мне хорошо. А с теми, кто меня дразнил, я не хочу дружить.

– Вот и правильно, – сказала я, настраиваясь на системное видение. – Друг познаётся в беде.

– Тебя когда-нибудь предавали друзья?

Я немного помедлила с ответом:

– К сожалению, да. И из-за этого я очень много страдала. Зато извлекла урок: относись к людям искренне и сердечно. Но не мечи бисер перед свиньями. Если видишь в человеке подлость, лучше вычеркни его из своей жизни. Не надо ругаться или что-то доказывать. Обычно люди не склонны исправляться. Но иногда бывают исключения.

– У тебя были лучшие подруги?

– Были. Понимаешь, в моём мире я прожила долгую жизнь. У меня было много подруг. И да, одна из них меня предала. Но я её простила и жила дальше. Судьба сама её наказала. А самой лучшей моей подругой была Зоя. Честно говоря, я очень по ней скучаю.

– Зато Дуся перенеслась с тобой, – утешила меня Молли, которой я в двух словах рассказала историю своей кошки.

– Конечно. А сейчас посиди ровно и помолчи. Всего несколько минут.

Нет, мороженое тут было совсем ни при чём. Молли действительно сильно переволновалась, и организм отреагировал включением защитных сил. Никакое лечение здесь не требовалось. Я видела, как медленно остывает энергетическое тело Мольки. Температура опустилась как раз до того градуса, когда может возникнуть небольшой озноб.

– Сейчас поедим, и ты полностью поправишься, – заверила я девочку. – А потом пойдём посмотрим, как там Дуся.

Глава 8

Но только мы зашли в кухню, из лавки раздался звон колокольчика. Я вздохнула и закатила глаза:

– Ну кому там неймётся? Написано же по-гольдски – «Закрыто».

Покачивая головой, я направилась к лавке, мысленно прикидывая, сколько сил осталось на общение с незванным гостем, при этом опасаясь, что случилась какая-то неприятность, например, Мильхе стало хуже.

Я пустила вперед ветряные смерчки. Мало ли кто там, за дверью. Стемнело. Ничего не видно, а фонари только зажигают.

Ветер принес информацию: опасности нет. На пороге стоял дядька Ланге – тот самый молочник, который подвозил меня и Мольку на своей телеге, после того как мы в первый раз ходили в трактир. Его транспортное средство стояло у самого входа, лошадка устало потряхивала головой.

– Добрый вечер, Вель, – поприветствовал меня старик, снимая фуражку. – Прости, что поздно, не мог раньше. Много заказов нынче. Зато привёз тебе то, что обещал. Всё свежайшее! Специально домой заехал, чтобы весь день по жаре не возить.

Герн Ланге откинул с телеги мешковину. Под ней стояли глиняные кувшины, большие и маленькие, затянутые чистой

холстиной, и лежали промасленные свёртки.

– Это что же это такое? – всплеснула руками я, догадавшись, что дядюшка Ланге привёз свою продукцию.

– Молочко вечернего удоя, маслица свежее, моя старуха утром сбивала, сыр молодой, – отчитался молочник. – Сливки. Сыворотка свежайшая, на блинцы. Ряженка, в печи топлёная. Ешь да нахваливай.

– Ну вы нас просто балуете!

– Я же обещал. На здоровье.

Мы с Молькой помогли молочнику оттащить его драгоценные дары на кухню и предвкушающе застыли. Дядюшка Ланге снял тряпицу с большого кувшина с молоком. Оно было густым, насыщенного кремового цвета, с плотной пенкой:

– Топлёное, – довольно тоном сообщил герн Ланге.

Я принялась и застонала от удовольствия. Так пахнет только настоящее молоко от коров, которые пасутся на разнотравье. Как же давно я пила такую прелесть – домашнее топлёное молоко!

– Пробуй, – кивнул дядька Ланге, протягивая мне деревянную ложку.

Я зачерпнула пенку и отправила её в рот. Вкус был невероятно нежный, бархатистым, с насыщенным сливочным оттенком.

– Нектар какой-то, – выдохнула я. – Я такое только в детстве пила, у бабушки.

Старик довольно ухмыльнулся в усы:

– У меня тут ещё масло есть, – он пододвинул один из свертков. – Попробуешь?

– Да как тут откажешься!

Герн Ланге раскрутил бечёвку и развернул свёрток. Внутри оказался золотистый брусок масла, холодный, с капельками конденсата на поверхности. Кухня наполнилась сладким ореховым ароматом. Я отрезала кусочек и отправила его в рот. Ух! Божественно!

В желудке стало тепло и сытно. Но нет, на таком кусочке я останавливаться не собираюсь! Как же хорошо, что есть хлеб Аниты! Да я бы и так это масло ела, без хлеба.

Следом за маслом мы с Молькой продегустировали сливки, мягкий сыр наподобие брынзы и ряженку. И хотя я почти что наелась, организм требовал продолжения банкета.

– Но зачем столько? – удивилась я, глядя на всё это богатство. – Мы и за месяц не съедим!

– Так и у меня, – смущённо кашлянул старик, – дело к тебе не из дешёвых. Помнишь?

– Ах да! – сообразила я наконец. – Я же обещала зарядить ваши холодильные артефакты.

– Целых три, – виновато проговорил дядюшка Ланге. – Я... мне бы скидку. Ты когда... ну того самого...

«Запила», – мысленно договорила я за старика.

– ...я пошёл к герну Целлеру. А он мне... – дядька Ланге в лицах изобразил известного в городе артефактора: – «Ты чего, старик, ополоумел, что ли? Ты представляешь, сколько

я за такое беру? Я у торговцев мясом с рынка по золотому за артефакт получаю, причём по опту. И что это такое за глиняные лепёшки? Ты бы мне ещё коровье дерьмо притащил». Так и сказал.

– Ах так? – заинтересованно приподняла брови я.

Не то чтобы я обиделась, но зарубку в памяти сделала. Как-нибудь зайду в лавку господина Целлера и поближе с ним познакомлюсь. И не могу гарантировать, что это знакомство ограничится лишь взаимными любезностями коллег. И вообще, это попытка монополизировать нишу. Наверняка герн Целлер узнал, что происходит с Вельтой, и воспользовался открывшимися возможностями. Но ничего, я ему загребучесть-то подкорректирую. Подкручу в нужную сторону.

– А откуда у меня столько золота? – причитал старик Ланге. – Мы со старухой не бедствуем, но в золоте не купаемся. Трудимся от зари до зари. Хочется хоть немного скопить, чтобы, когда немощными станем, было что в рот положить.

– Очень вас понимаю. Давайте сюда ваши артефакты. Заряжу как себе. Можете, кстати, посмотреть – в холодильнике. Все работает, продукты свеженькие. Хорошо бы один такой в ящик какой приспособить – я-то даром молочко заговариваю, дар у меня такой, но лето уж больно жарким обещают.

Дядюшка Ланге протянул мне три разряженных бублика. Страшно было представить, сколько вита я потрачу. Но дары молочника того стоили.

Я объяснила, что заряжу артефакты завтра. Попросила дядюшку приехать ближе к вечеру. Решила, что распределю зарядку на весь день, так легче будет восстанавливаться.

Старик с моего разрешения заглянул в холодильник. Довольно поцокал языком, увидев, что от одного-единственного артефакта продукты на верхней полке довольно заметно подмораживаются. Молька поставила туда молоко, сливки и ряженку. Масло отправилось на полку ниже.

– Ты, я погляжу, – одобрительно сказал дядюшка Ланге на прощание, – совсем другим человеком стала. Прежним. И обещание своё, вижу, держишь. Должно быть, боги тебе за это помогают.

– Не без этого, – улыбнулась я.

Старик пожелал нам доброй ночи, забрался в телегу и исчез в темноте.

– Тётушка Вель! – Молька подпрыгивала от нетерпения. – А мы будем делать бутерброды из этого масла?

– И не только из масла, – обрадовала я мелкую. – У меня на ужин есть ещё кое-что вкусненькое. Нет, я, конечно, самой себе изменяю, оставляя тебя без горячей еды. Но иногда можно и всухомятку, особенно если со свежим молочком.

– И чай со сливками! – потребовал ребёнок. – Как в кондитории!

– Будет тебе и чай со сливками, – рассмеялась я.

– Ой, как вкусно пахнет! – воскликнула мелкая, приподнимаясь на стуле.

Я выложила на разделочную доску копчёную курицу и домашнюю ветчину. Рядом пристроился ломоть окорока. Угощение выглядело солидно и радовало душу одним своим видом.

– Ух ты! – глаза Мольки загорелись. – Окорок! Мы такое ели только на праздник и то... раньше.

– Теперь у нас каждый день будет скромный вкусный праздник, – улыбнулась я. – Почему бы не праздновать? Каждый день – это маленький дар, каким бы он ни был, весёлым или не очень.

Колбаски я отправила на верхнюю полку, в самый холод. Поджарю завтра. Как раз силы понадобятся. Мне ведь ещё заказ для Хольда выполнить нужно. Но, к счастью, я уже знаю, куда двигаться.

Бутерброды мы уплели за обе щёки. Не забыли и про зелень – закусывали зелёным лучком.

Организм сказал спасибо. Особенно за масло. Я ела и не могла наесться. Именно таких прекрасных жиров моему телу и не хватало.

В моей молодости жиры почему-то демонизировали. Кажется, это было связано с огромными сахарными корпорациями. В головах нескольких поколений закрепилось представление о том, что жир, который мы едим, и жир на нашей талии имеют непосредственную связь. Однако выяснилось, что всё далеко не так просто. К счастью, сейчас реабилитированы хотя бы такие продукты, как сливочное масло и на-

туральные топленые жиры.

После ужина мы, сытые и довольные, вышли во двор. Ветер услужливо принёс нам запах свежей травы с пустыря. Теперь я не боялась, что мы живём так близко к лесу. Дуся, по всей видимости, не собиралась нас покидать. А с такой защитой нам ничто не страшно... надеюсь.

Дверь в сарае отворилась со скрипом. Внутри было темно и пахло зверем. От этого запаха по коже пробежал мороз. Он напомнил мне, что Дуся не просто домашняя любимица, а дикий зверь.

Я зажгла лампу и подвесила её на крюк.

– Пушинка, Пушинка! – позвала Молька, переступив порог.

И сразу же из полумрака вылетел радостный котёнок. Огромные для такого маленького тела лапы его ещё плохо слушались. Пушинка то и дело спотыкалась, переваливалась через голову, но упорно скакала вперёд, издавая смешные фыркающие звуки.

– Какая же ты забавная! – рассмеялась Молька и села прямо на пол.

Пушинка, добравшись до мелкой, с разбегу врезалась головой в её ладонь и перевернулась, требуя почесать живот. Молька с радостью подчинилась, и котёнок довольно заурчал.

Дуся тем временем сидела в углу на мешковине и деловито вылизывала по очереди остальных своих котят. Она по-

смотрела на нас, прищурив жёлтые глаза, и муркнула.

– Охота сегодня была не очень хорошей, – перевела Молька. – Но Дуся всё равно довольна. Она нашла добычу во дворе. Котята долго с ней играли, им очень понравилось.

– Во дворе? – нахмурилась я. – И кто же это завёлся у нас во дворе?

В ответ Дуся тихо мяукнула, подхватила что-то в пасть и принесла это что-то к моим ногам.

– Фу! – скривилась Молька. – Это же крысиный хвост.

– Э-э-э, – протянула я, понимая, что Дуся ждёт одобрения. – Хорошая киса, хорошая. Буду очень рада, если ты поймашь ту крысу, которая живёт в моей мастерской.

– А может, это она и есть? – Мелкая внимательно рассматривала крысиные останки.

– Та была побольше, здоровенная такая тварь, – уверенно сказала я. – Переведи Дусе, что завтра она сможет поохотиться в доме. Сто процентов, там где-то крысиное гнездо.

Пушинка перевернулась на живот, выпучила глаза и начала подкрадываться к торчащей в щели соломинке. В каждом её шаге уже чувствовалась будущая грация хищника. Молька тихо посмеивалась, наблюдая, как котенок делает смертельный рывок и победоносно шлёпает лапой по «дичи».

Внезапно Дуся переключила своё внимание на Мольку и приблизилась к ней вплотную. Её огромная голова возвышалась на уровне лица мелкой. Котята на мгновение затихли, но потом, потеряв интерес к происходящему, снова завози-

лись в углу. Дуся стояла неподвижно, жёлтый немигающий взгляд был устремлён на Мольку. Мне сделалось не по себе.

Мелкая тоже заметно напряглась. Между ней и кошкой шёл внутренний диалог, и внезапно Дуся шумно выдохнула. Снова. И ещё раз. Её вибрисы распушились и задрожали, как маленькие антенны. Она подняла свою огромную пушистую лапу и положила её на грудь Мольки. Молька не выдержала веса лапы хищника и мягко опрокинулась на спину. Котята тут же воспользовались моментом и начали скакать вокруг неё, хватая то за косички, то за рукава.

– Дуся! – вырвалось у меня в панике. – Молька!

Новое воплощение моей кошки могло бы убить ребёнка одним когтём. Я топталась на месте, не зная, спасти ли Молли или успокоиться. Впрочем, попытайся я оттащить Дусю силой – ещё неизвестно, кто бы победил.

– Всё в порядке! – убежденно пропищала мелкая. – Она не причинит мне вреда. Она за меня волнуется... почему-то.

Я не знала, что делает с ней Дуся. Но заставила себя – с большим трудом – довериться Мольке. Дуся говорила ей что-то такое, от чего мелкая совсем не боялась.

– Она проверяет! – важным тоном заявила Молька с пола.

– Что именно?

– Не знаю, как это объяснить... На её языке звучит словно... я маленький котёнок, которого нужно очень хорошо вылизать.

– Надеюсь, она не станет этого делать, – проворчала я. – Я

всё-таки не настолько любитель животных, чтобы позволять им вылизывать маленьких детей.

Дуся обиженно фыркнула, мол, не больно-то и надо.

– Не переживай, тётя Вель. Дуся не сделает ничего плохого. Мы теперь её стая.

Надеюсь, в этой иерархии я не на последнем месте. Будет довольно сложно ужиться, если собственная кошка не станет мне подчиняться. А воевать с ней... хм... удовольствие спорное.

– Она станет тебя слушаться, – заверила меня мелкая, всё ещё лежа под лапой кошки. – Но если рядом будет опасность, она сама решит, как с ней справиться.

– И кого-нибудь съест, – мрачно прогнозировала я.

Дуся внезапно наострила ушки и посмотрела на меня. Взгляд её как будто спрашивал: «А что можно?»

– Никого не едим и не надкусываем, – авторитетно заявила я. – И вообще, что ты делаешь?

Дуся посмотрела мне прямо в глаза. Даже голова закружилась. Зелень в её глазах светилась и пульсировала.

Кошка чуть склонила голову набок и тихо, басовито замурлыкала. Мурчание перешло в ощутимую вибрацию. Воздух в сарае как будто задрожал. Я почувствовала, как элемент ветра откликается на поведение вайза.

Молька захихикала:

– Щекотно!

Дуся, поняв, что я внимательно наблюдаю, перевела свой

взгляд на мелкую.

Подключение к эгрегору расширено до 21 дейна.

Проводник почему-то тоже отреагировал, повысив мой доступ к Древу Знаний.

Но не это поразило меня до глубины души, а то, что произошло дальше. Из-под лапы Дуси медленно потёк золотистый свет. Он подсветил тонкое тело Мольки, и с помощью системного видения, которое я максимально активировала, я смогла увидеть, что часть ауры ребёнка загрязнена. На тонком плане это выглядело как серая муть.

В следующую секунду Дуся нажала посильнее. Муть начала рассеиваться. Кошка наклонилась и понюхала область сердца мелкой. Кажется, она осталась недовольна. Снова приподняла лапу и опустила, надавив на грудь Мольки.

– Как ты? – с тревогой спросила я у мелкой. – Она тебя не раздавит?

«Обижаешь», – слышалась мне.

– Ты что-то ощущаешь? Тебе не больно?

– Ни капельки, – отозвалась Молька. – Только жарко немного. Нет, уже не жарко. Прохладно и приятно. Голова больше не болит.

– А она болела?

– Чуть-чуть, – признался ребёнок. – Я не хотела говорить. Боялась, что ты расстроишься.

– В следующий раз сообщай мне о любом недомогании.

Дуся одобрительно фыркнула. Кошка наконец обнюхала

Мольку целиком и довольно мякнула. Она убрала лапу с груди девочки и уселась рядом. В результате её манипуляций тонкое тело ребёнка полностью очистилось.

Но как же так? Я ведь диагностировала Мольку своим системным видением. Ничего не заметила, только то, что перегретые каналы стали остывать. Или... или просто я не могла видеть настолько глубоко, а Дуся каким-то образом усилила моё системное видение.

Мало того, она ещё и убрала блокировку с сердца девочки. Ту блокировку, которую я до сего момента не видела. Но теперь я понимала, что левый канал Мольки заработал сильнее.

– Значит, вот на что ты способна? – негромко обратилась я к кошке. – Ты настоящий магический зверь. Твоя сила не только в том, что ты отличаешься умом и сообразительностью, а также можешь общаться с людьми, но и в том, что ты можешь влиять на ауры людей. Узнать бы о тебе побольше.

«Дуся – хорошая киса», – услышала я отголосок мысли Дуси и полностью с ней согласилась.

И ошеломленно захлопала глазами: я тоже ее слышу!

Молька села на полу.

– Прислушайся к себе, – попросила я её, сев рядом и проверив лоб губами. Температуры не было. Лобик Мольки был прохладным. – Чувствуешь какие-нибудь изменения, кроме того, что голова прошла?

– Спать захотелось, – определила Молька, сонно щурясь.

– Так приятно, как будто я долго лежала в тёплой ванне.

– Тогда идём спать, – велела я.

Но Молька уже засыпала, свернувшись клубочком и обняв Пушинку. Я подняла её на руки и отнесла в дом. Что ж, завтра седьмой день недели, в школу не нужно, уроки можно отложить.

Состояние Мольки напоминало расслабление после победы над какой-то болезнью. Возможно, то затемнение в её тонком теле как раз и являлось последствием долгого стресса. Сама, без помощи вайза, я не сумела его увидеть. Дуся мне помогла. И Проводник почему-то сообщил о расширении доступа к Древу Знаний.

– Как это связано? – спросила я у него.

Объём хранилища расширен до двадцати одного дейна.

– Это я и так знаю. За какие такие заслуги?

Дополнительный объём выделен за счёт укрепления родовой связи преемник – фамильяр. Укреплена связь между фамильяром и другими членами семьи.

Активирован навык «родовой слух». Теперь вы можете слышать вайзов и ощущать их эмоции на десять процентов. Продолжайте практиковать полученные навыки.

– Уж за мной не заржавеет, – пообещала я.

Гла

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.